

М. ЛОЖКИН

1 руб.

В многоцветный период юности — от первого десятилетия до второго — мы больше доверяем чутью, нежели разуму. И в этом — своя прелесть. Возможно, это самая золотая пора человека. Нужно правильно и по-доброму ощутить самого себя для дальнейшей жизни.

Не всегда, правда, получается...

То время — время искренности, доверия и разочарования. И время — открытий. Разных.

Дальше — другие игры. Но правила их вырабатываются в пору становления и от них потом многое зависит. Потому что судьба и достоинство — не последнее в нашей жизни.

И это уже относится ко всем.

АВТОР

М. ЛОЖКИН

СВЕТ ГОРЫ
и другие рассказы

МОСКВА 1989

СОДЕРЖАНИЕ

Ледоход	5
Свет горы	27
Часы на память	41
Нет остановки в пути	51
Утро большого дома	63
Прекрасное время охоты	70
Алешкина лодка	78
Система ориентации	82
Система	86

Михаил Алексеевич Ложкин

СВЕТ ГОРЫ и другие рассказы

Сдано в набор 05.07.89	Подписано в печать 14.09.89.
Формат 84×108 ^{1/32}	Печать высокая
Уч изд. л. 5,58	Тираж 15.000
Изд. № 224-89	Зак. 644
Цена 1 руб.	Усл. печ. л. 9,24

Отдел полиграфического производства ЦНИИТЭстроймаша
111141, Москва, 2-й проезд Перова поля, 5

ЛЕДОХОД

I

Солнечным апрельским утром, когда Витя Корабельников шел по набережной в хлебный магазин, на реке взломало лед. Под гром тяжелого рока, передаваемого по радио из городского парка.

Лед вспучило огромной дугой, и река стала похожа на часть земного меридиана. От него откалывались громадные ледяные континенты, затем и от них отделились, как острова, большие и малые льдины, которые, кружась и покачиваясь, устремились по течению реки.

Так неожиданно начался ледоход в будничное апрельское утро.

Дорога из хлебного магазина обратно к дому показалась ему длиннее, чем была на самом деле. И было отчего. По пути он случайно встретил своего друга Борьку Масленкина, они сидели за одной партой. Затем мирно разошелся с двумя известными охламонами — Чуней и Жуком, которых, как и Витьку, перевели в этом году в новую школу, и они все вместе учились в восьмом классе.

Жуткого вида черная ворона летела навстречу и, каркая, уронила прямо под ноги Витьке старую зубную щетку. Он погрозил кулаком вслед галдевшей дуре и рассмеялся.

Приближаясь к зданию исполкома, рассмотрел у его колонн тучную фигуру директора школы с желтым портфелем. А проходя мимо исполкома по другой стороне улицы, заметил, как у его подъезда из черной машины вылез шеф их школы — сам Веревкин, он открывал школу, а вслед за ним его сын — Веревкин-младший с красным шарфом на шее. Он учился в одной школе с Витькой, в девятом классе. Старший Веревкин направился к подъезду, но был остановлен директором шко-

лы, и потом они оба скрылись за высокими деревянными дверями. А младший Веревкин двинул вперед по улице, где к нему присоединились Чуня с Жуком, и они вскоре растаяли в уличной толпе.

Придя домой, Витька быстро открыл дверь и радостно закричал из прихожей на всю квартиру:

— Дед! Знаешь, что началось!?

— Да? — раздалось в глубине квартиры.

Глуховатый дед немного приболел и сейчас, наверно, лежа читал.

— Ледоход на реке! Сила! Я раньше уйду в школу, посмотрю на берегу!

Витька схитрил. С Борькой Масленкиным они договорились сегодня покататься на льдинах. Не хуже, чем на лошадях, сравнил в разговоре Борька. А он в этом толк знает, у него отец — жокей на ипподроме.

— Из школы сразу домой! — скомандовал невидимый дед. — Я борща наварю, а вечером мать с отцом позвонят из санатория. Не задерживайся, понял?

— Ясно, дед!

Витька схватил школьную сумку и на всякий случай осторожно и бесшумно закрыл за собой дверь. А вдруг дед задержит!?

С Масленкиным они сразу же завернули на старое, давным-давно заброшенное плотбище на окраине города.

Там, на изгибе реки, берег круче и выше — дальше видно. И народу не должно бы быть... Но Витька с Борькой ошиблись.

У самой воды уже немало шаталось разного пацанья. Какой-то углан в спортивной куртке с капюшоном прыгнул с берега на плывшую неподалеку льдину, но неудачно. Поскользнулся и упал в воду.

Ребята из его компании загоготали весело, зашумели, вылили из капюшона воду и быстро сварганили здоровенный костер рядом с перевернутыми вверх днищами лодками.

— Недолго и лодки поджечь. Мы с отцом свою бросили с осени, — сказал Борька. — Вон ту, зеленую, даже на цепь не посадили, весла под ней. Если, конечно, не украли...

Витька почти не слушал, а, шурясь, смотрел в солнечное марево над рекой. В глазах крутились, как льдины, розовые и сиреневые пятна, солнце жгло кожу на лице, пахло водой и талой землей.

Внизу сплошняком шли и шуршали льдины. Галдели мальчишки.

Охотников прыгать на льдины больше не находилось.

...Отчаянно, с замиранием в сердце, перескакивая через темные щели воды, перебираясь с льдины на льдину, они удалились с Борькой на несколько десятков метров от берега — это считалось весьма приличным расстоянием. Именно оттуда Витька краешком глаза заметил на берегу знакомую компанию — впереди сутуло вышагивал Веревкин, за ним следовали Чуня и Жук.

Красный шарф Веревкина болтался за спиной, как петушиный гребень. Витька сказал об этом Борьке и неожиданно для себя добавил: «Как у недорезанного петуха».

Пожалуй, это было точно подмечено, потому что Борька расхохотался и, прыгая на берег, провалился по самые колени.

Потом они вместе со всеми ребятами обогрелись у костра и пошли в школу. Посматривая на длинного, как жердь, Веревкина, Витька никак не мог понять, почему этот Веревкин ему не нравится? Не ростом же своим?

II

Новую школу в городе выстроили на берегу реки в окружении сосен, и далеко сияла она окнами в сумерки, как новогодняя елка на городской площади перед исполкомом. Елки той, конечно, уже давно нет, на улице стоит апрель. А школа — светит.

Как ни рассчитывал Витька пораньше выбраться домой, а пришлось задержаться в школе допоздна.

Сразу после классного собрания его вызвали к директору.

Шагая вместе с Зинаидой Львовной по пустынному коридору, он был уверен по какому поводу им интересуется директор и пожалел, что сболтнул лишнее на собрании. Можно было и промолчать на всякий случай.

В актовом зале бухал в барабан Жук, восседая на сцене. Он занимался в школьном духовом оркестре.

Зинаида Львовна, их классный руководитель, стучала жесткими каблуками за Витькой, недоуменно приговаривая в Витькину спину: «Ну, скажи, Корабельников, кому они могли понадобиться эти домашние ключи? И, как на грех, дочка с зятем вернутся поздно ...».

Витька быстро заскочил по пути в темный туалет и, выходя из него, заметил на полу в полоске света у двери белый конверт. Конверт был заклеен, синими чернилами было адресовано: «Директору школы». И всё.

Витька поднял его, машинально положил в карман и побежал догонять Зинаиду Львовну.

К Витькиному удивлению, кроме директора, в кабинете оказался Веревкин-младший. Витька случайно слышал, что в старой школе, откуда Веревкина перевели, его звали Кастет. Наверно, не только по созвучию с именем Костя?— Поэтому Витька с боязливым любопытством поглядывал на Веревкина. Разговор с ним, как понял Корабельников, подходил к концу.

— Вот так, Костя,— сказал директор и присел к столу, отодвинув на его край свой желтый портфель. Написав короткую записку, он передал ее не сворачивая со словами:

— Я коротко мотивировал нашу нужду, а ты попробуй на словах, убедительно, а главное, заинтересованно передать своему отцу очевидную потребность школы в обрудовании.

— Попробую надавить на него, Дмитрий Ефимович,— слово оправдываясь сказал Веревкин-младший.

Директор слишком громко и весело хохотнул, Витьке это не очень понравилось.

— Вот, вот... Именно. Надавить. Это ты правильно подметил. Главное — выйти на результат. Но не пережми, осторожненько так надави. Школе можно легко отказать, а родному сыну — сложнее. А твой отец мно-о-о-огое может... ну, а мы — вечные ему должники.

И он встал из-за стола и пожал руку Косте.

— На этой неделе у него иностранная делегация, потом постараюсь прижать, Дмитрий Ефимович. До свидания,— сказал Костя.

— Хорошего ученика нам подарили из района, нужного,— потер руки директор, когда Веревкин-младший вышел из кабинета.— Ну что, Корабельников?— Директор подошел ближе и выпятил губы в раздумьи.— Вы давно ведете их класс, Зинаида Львовна?— неожиданно спросил он классную руководительницу.

— Вы же знаете, первый год. Как школу построили. С первого сентября. Класс, в общем-то, дружный...

— Ну какой он может быть дружный,— недовольным тоном перебил ее директор.— В дружном классе все друг за друга, чтут порядок. Например, в девятом, Зинаида Львовна, с приходом Веревкина Кости.. И уж, по крайней мере, не выносят сор из избы. В восьмом классе это бы должны понимать.

Директор уставился на Витьку.

— Не ведаем, что творим,— это опыт веков. Так кто, по твоему мнению, сегодня вытащил ключи на большой перемене? Ты сам это видел, как утверждал на собрании? Или предполагаешь?

— Было дело,— неохотно и уклончиво ответил Витька.

— Дальше, Корабельников, дальше... Развивай свою мысль. Я жду.

Витька молчал. Дернуло же сказать на собрании, болтун несчастный...

— Вот видите, Зинаида Львовна, а вы говорите, — дружный класс. Я официально требую, — повысил голос директор, — чтобы ты сообщил нам, кто украл ключи у Зинаиды Львовны и твоих одноклассников. Кстати, у кого взяли?

— У двух мальчиков и трех девочек, все из приличных семей, — ответила Зинаида Львовна.

— Конечно, конечно... Я так и думал. Оболтусам разве доверят ключи от дома. У тебя украли, Корабельников?

— Нет, у меня дед всегда дома. Мне ключи не нужны.

— Странно. Ну, хорошо, это я так. Кто взял?

Витька поднял на директора глаза.

— Пусть они сами решат. И вернут. В этом их шанс до завтрашнего дня.

Крупный, как куриное яйцо, нос директора уставился прямо на Витьку. Витька отвел глаза в сторону.

— Иначе, нечестно получится, я же слово дал всем ребятам. Вот если не вернут, скажу... Скажу обязательно и всем.

— Дал-взял, — поморщился директор. — Какое это имеет значение... В этом деле, Корабельников, лучше быть мужественным и признаться во всем. А шанс твой — это дым, дымовая завеса, понимаешь?

Витька приготовился слушать. Директор дальше двигал свою мысль. Автономно.

— Шанс должен быть в сфере реального. Как в случае с Вережкиным. Ты, наверно, меня понял, о чем я вел речь? — спросил он Витьку, а посмотрел поверх очков на Зинаиду Львовну. — Вот он нам дает шанс на оснащение мастерской вне всякой очереди. Причем за самое кратчайшее время, обгоняя другие школы. Такой подход я называю реальным шансом. Мы и еще кое-что выпросим со временем... А твой шанс, Корабельников, находится в области содействия нечестным поступкам, хоть ты и редактор школьной газеты. Более того, — директор на короткое время сосредоточился и ввернул, — твой шанс, можно сказать, и не шанс вовсе, а факт укрывательства. И на основе этого мы можем относиться к тебе иначе. Подумай, Корабельников.

— Как-то нехорошо получается, Дмитрий Ефимович, — взглянул в металлические очки директора Витька. — Я сказал, что видел, а выходит, я же и виноват... В таком случае я сказал неправду. Извините. Я ничего не видел, потому как меня в этот момент в самом классе не было. А раз так, каким образом я мог что-то там видеть?

Директор потер ладонь левой руки.

— Видишь, Корабельников, у меня на руке сухая кожа,

экзема... Не бойся, она не опасна. Это — от нервов, от большого желания всех вас любить.

Зинаида Львовна склонила голову, что бы лучше рассмотреть ладонь директора.

— А вы пробовали протирать кислым раствором, например слабым уксусом? Это во многом от биологической среды зависит,— заметила она.

— Совершенно не в этом дело! Голубушка! Вот она — среда!

И директор ткнул пальцем в Корабельникова.

— И вся эта среда — кислая! Они требуют от нас любви, терпения, правды! А что сами взамен? Мы им — все! А они нам? Вот это самое!?

Директор показал Витьке кукиш.

— Извините, Зинаида Львовна. Не мог сдержаться. Хотя, на мой взгляд, именно эта фигура в настоящее время наиболее подходящий символ!

Директор вздохнул и сел за стол.

— Иди, Корабельников, иди. Как бы не остался ты со своим шансом наедине...

Витька попрощался и вышел из кабинета. Когда за ним закрылась дверь, директор покачал головой, как от зубной боли, и посмотрел на Зинаиду Львовну.

— Странное время... Меняется все на глазах... Тяжело стало работать. Ну что тут поделать?

III

Витька быстро пересек школьный двор и углубился в переулки кварталов. Было морозно и темно. Апрельские лужи подмерзли, хрустели ледком под ногами, ботинки скользили.

— Эй, ты, доцент! Подожди!

Улицу наискосок пересекали две фигуры. Витька присмотрелся и узнал их. Навстречу шли Чуня и Жук.

Витька не испугался, хотя угрозу в их оклике почувствовал сразу. Что бы не связываться, решил сдать назад. Тем более дед, наверно, заждался дома.

Не успел он пробежать и нескольких шагов, как ему сзади подставили подножку. Витька упал и больно ударился о тротуар. Портфель отлетел в сторону.

Пока он вставал, в голове мелькнула отчаянная мысль: «Надо бы бежать вперед...». Он рванулся, но его уже крепко держали за воротник.

— Здорово ты бегаешь, Корабельников,— вдруг услышал Витька спокойный, как в кабинете директора, голос Веревкина-младшего.

— Тебя зовут, а ты убегаешь...— продолжал он,— мы к тебе по-хорошему, доцент. Так, что ли, зовут тебя?

— Это его в старой школе звали,— дружелюбно сказал Жук.

И все трое рассмеялись весело и беззаботно.

— Он и на профессора потянет... если послужит,— сказал Веревкин.— Чего это твой папаша психанул на моего в исполнении недавно? Больной он, что ли?

— Со мной отец не говорил, не знаю. Да отпусти, ты!

Веревкин держал крепко.

— Ладно, замнем. Они там сами разберутся, кто из них кто. Нашел на кого прыгать... А зачем тебя к директору вызывали, тоже не знаешь?— резко дернул за воротник Веревкин.

Витька внутренне не мог сориентироваться, все происходящее было как во сне. Какой-то форменный разбой, унижение... Разные правильные слова лезли в голову, засоряли ее, отвлекали от действия.

— Я сам толком не понял. Просил срочно сделать стенгазету на городской конкурс, к Первомаю,— быстро соврал он, вполне понимая вопрос Веревкина.

— Смотри, я завтра у Ефимыча проверю... А с газетой поспоришь и постарайся. Напиши про Чуню или про Жука, как он на барабанах играет. Создай им положительное общественное мнение. Или у тебя с папашкой ко всему личное отношение? Так сказать, в духе времени?— откровенно издевательски спросил Веревкин.

Такого тона Витька простить не мог. Он изо всей силы резко ударил затылком головы назад. Но не рассчитал. Веревкин был выше и удар пришелся на грудь.

В этот же момент Витьку рубанули ногой под колени.

Он сразу рухнул. Сверху по голове ударили кулаком, из носа побежала кровь.

— Какой волнительный доцент попался. Мы его спрашиваем, он дергается. Мы из него непременно профессора сделаем. Утрись, родной, утрись... У тебя платочек есть, я знаю.

Веревкин грубо залез к нему в карман, достал носовой платок.

— Все воспитанные, особенно принципиальные, должны иметь платочки, слезки свои вытирать. Говорят, за принципы страдать надо. Действуй!—и он сунул под нос Витьки платок.

— Я тоже имею платок, пацаны,— балаганно, как клоун, воскликнул Жук.— Только не успел его постирать, а с грязным ходить неприлично.

— Такому джентльмену, как ты, безусловно,— ухмыльнулся Веревкин.

В ответ Чуня и Жук чуть не задохнулись от смеха, даже не заметили, как из темноты вышла женщина и спросила.

— Вы чего это, ребята?

— Товарищ упал, поскользнулся... Носик потревожил,— не растерялся Чуня.

— Вы снежку положите, скорей пройдет...— сказала женщина и ушла.

Витькино молчание в этой ситуации ребята оценили положительно. Чуня приложил к его носу снег, залепив им почти все лицо, а Жук подал портфель.

Веревкин миролюбиво начал.

— Вот ведь знаешь, как надо себя вести, Корабельников. Молча. В наше время,— это самое главное, доцент.

И он помог ему вытереть с подбородка кровь.

— Мы, собственно, почему тебя побеспокоили,— продолжал Веревкин.— Сегодня вечером, когда вы с директором решали вопрос о стенгазете, мне донесли, что ты этим скромным подросткам, моим друзьям, угрожал на классном собрании. При всем честном народе...

— Я никому не угрожал,— спокойно сказал Витька, приходя в себя после удара.

— Но ты всем сообщил, подчеркиваю,— всем,— и это особенно меня беспокоит, что знаешь, кто взял в классе ключи. Говорил такое, Корабельников?

— Такое говорил. Могут по секрету повторить, украл Чуня,— и сразу же Витька получил от Чуни оплеуху.

— А ты видел, чумарик?!— дергаясь и щуря на Витьку глаза, спросил Чуня.— Чтобы мог сказать — украл?! Сдались мне твои ключи и доказательств у тебя нету! Понял?

— Хватит, Чуня,— придержал приятеля Жук.— Давайте нормально поговорим. Верно, Витек? Как на собрании.

Витька почувствовал растерянность Жука. Злость начала расpirать Витьку. Он не выдержал и сорвался.

— Вполне, Жучок! Полный нормалёк! Трое на одного, чем не форум! Давайте еще предложения!

— Да я и один урою тебя,— спокойно пообещал Веревкин.— Если понадобится. Никогда и никто не подумает.

— Верю, Веревкин, железно!— Витька раздухарился и был готов на все, но должен был высказаться.— Как же! Твоя ситуация, Веревкин, в твою пользу! Да и сильнее меня! Не на равных, Веревкин! Бить втроем, сволочи поганые, шавки несчастные! Подавитесь этими ключами! Особенно ты, Веревкин!

Вытаращив глаза, Чуня и Жук слушали не шелохнувшись, в каком-то оцепенении.

К их удивлению Веревкин вроде бы не обиделся даже.

— Высказался? Я всегда буду тебя сильнее, в любой ситуации. Поэтому мы и пойдем друг друга, как говорит мой отец. А он все знает,— уверенно сказал Веревкин.— С этого момента считаем, о том деле ни гу-гу. Нет его. Никто ничего не видел. Иначе...

Веревкин не стал договаривать, а многозначительно замолчал.

— Так что благополучие твое — в наших руках. А их судьба,— он кивнул на ребят,— в твоих... Я-то ключей не брал. Так что думай и решай сам.

Наглое распределение ролей задело Витьку.

— Умно, ничего не скажешь. В таком случае я добавлю, Веревкин...

Веревкин сплюнул.

— Договаривай, доцент, только не промахнись.

— Ты прекрасно знаешь, Жук стоял на стреме, Чуня шарил в сумке Зинаиды... Потом залез к Масленкину и Шатрову, а самое главное...

— К Шатрову?— перебив его, недоуменно переспросил Веревкин и уставился на Чуню.— Это верно? Зачем ты залез в сумку к этому мордатому?!

В его словах слышался откровенный испуг, Витька был удивлен.

— Тебя кто просил к нему лезть!?— пристал к Чуне Веревкин.— У него, знаешь, кто отец? Районный прокурор! Ну и дурак, ты, Чуня, полный дурак!

— Я чужой ключ ему подложил, не обижайся, Костя— виновато оправдывался Чуня.— Он не подумает.

— Э-э-э, ханурики...— поморщился Веревкин.— С такой сообразительностью тебя в техникум не устроить. Даже отец не поможет. Знать надо, к кому лезть! Вот теперь я точно не при чем! Сами выпутывайтесь!

— Сам же просил, у кого брелки красивые, у тех брать,— обиженно сказал Жук.— А у Шатрова заграничный.

— Пошел ты, Жук!— голову надо иметь,— Веревкин раздраженно засопел.

— А что, Веревкин, у тебя преёскурант есть, у кого можно брать, у кого нельзя?— удивленно подначил Витька.— Этому ты учишь?

— Заткнись, Корабельников, твои-то ключи целы. А ценник всегда был. У тебя отец, что может? А Шатровский или мой? Так что молчи, доцент. Тебе слова не давали. Лучше вспомни, как ты увидел? Очень интересно. Ведь в классе никого не было?— Веревкин вопросительно посмотрел на своих друзей.

Чуня и Жук согласно кивнули головами.

— Случайно заметил. И потом — это не имеет значения, — Витька выдержал паузу. — Главное в том, что ключи они потом передали тебе, Веревкин.

Наступила пора задуматься Веревкину. Он озабоченно уставился себе под ноги.

— Ситуацию ты изменил в корне, доцент. Я не виноват. Что мы будем с ним делать? Прочитаем ему лекцию о любви? — спросил он ребят. — Ну и о дружбе, конечно.

Чуня резко надвинул на Витькины глаза шапку. Жук следом поднял ее наверх.

— Не надо лекции. Он так поймет, голова у него соображает.

Веревкин, как показалось Витьке, даже обрадовался словам Жука.

— Правильно, Жук. Лекцию мы всегда успеем. Надо, чтобы человек сам понял... Мы верим в тебя, Корабельников. Как ты подсмотрел, меня действительно не очень волнует.

Он достал из своего кармана ключи, позвенел ими в ладони.

— Но тогда вот эти ключики всем потерпевшим сам завтра подложи, — он высыпал их в Витькин карман. — Незаметно. А, впрочем как хочешь... Мы лично никому не скажем.

Приятеля восхищенно смотрели на Веревкина.

— Можешь выбросить, — продолжал он, — можешь оставить... Ключики теперь твои. Так что, валяй завтра, говори, что хочешь своим ребятам. Дело твое.

Витька похоже онемел от такого поворота. Он даже не сопротивлялся, когда Веревкин высыпал ему в карман ключи. Зациклило — так у него бывало от наглости и хамства.

— А брелочки мы взяли на память. Проснись, профессор! — похлопал его по плечу Веревкин. — Будь здоров! Действуй!

И, скользя по обледенелому тротуару, компания быстро скрылась из вида. Витька остался один.

Он машинально опустил руку в карман. Ключи холодили руку.

«Не сон, не мираж... какая-то дикая реальность. Это они купили меня, просто-напросто унизили и купили. Как собаку на привязи. Подонок Веревкин! И сам я — дурак последний!» — думал Витька. — «Вот они — ключи... Выбросить, буду последним трусом, подбросить — совсем подлянка, как же быть? Во, купили! Шавки несчастные! Да разве в ключах теперь дело? — вдруг пришло на ум. — Разве в них одних!?»

Витька мало соображал, куда шагал. Куда ноги несли.

Через один погасили фонари на улицах, света поубавилось.

На каком-то углу Витька остановился. «Надо обязательно идти к Веревкину. Сунуть обратно ключи. Как угодно. Иного выхода нет, иначе я...»

Да, похоже, дело было теперь вовсе не в ключах, не только в них. Иначе, Витька не был бы так решительно и зло настроен против всего на свете.

С того же угла из телефонной будки он позвонил Масленкину. Трубку взяла его мать и сказала, что Боря неожиданно простудился и сейчас лежит в постели с температурой.

Потом взял трубку Борькин отец и тихо спросил Витьку, не ходили, мол, они с Борькой на реку, в их времена, в детстве, они всегда в это время казнили, то есть прогуливали и катались на льдинах. Это было у них принято. А теперь он не знает, как веселится молодежь. Витька не стал врать и ответил все, как было. Витьке даже показалось, что Борькин отец остался доволен ответом, потому как в конце разговора сказал: «Спасибо за правду, держись...— и еще добавил.— Заходи к нам в гости, Витя».

...Жаль все-таки, что нет рядом Борьки Масленкина. На всякий случай.

Веревкины жили в соцгородке — так звалось особое местечко неподалеку от центра города. Жили в одном из каменных особняков за металлическим забором с кирпичными стойками. Цоколи всех домов и стойки были почему-то облицованы красным кафелем.

Над воротами особняка и в окнах за шторами горел свет. Рядом с калиткой Витька увидел кнопку звонка и нажал на нее.

На Витькино счастье из дома вышел Веревкин-младший. — Кто там? — спросил он.

Витька назвалсся, и Веревкин подошел к калитке.

— Какой ты непонятливый, доцент. Верно? — насмешливо спросил он, не удивляясь его приходу.

— Выйди, — сказал Витька. — Поговорим.

Веревкин открыл калитку и, не торопясь, вышел. Витьку он не боялся.

Уклониться Витька не успел, его неожиданно и сильно оттолкнули. И пока он очухивался, Веревкин укрылся за калиткой.

— Будешь еще лезть, отцу скажу и вызову милицию, — пригрозил он. — У нас дежурный на посту. Всегда.

Веревкин скрылся в доме.

Вечер был безнадежен.

Витька брел, не разбирая дороги, пока не наткнулся на кучу щебня. Чуть-чуть не упал. Это его отвлекло и даже развеселило. Хватит, пожалуй, на сегодня падений...

Отчаянное решение пришло внезапно. Нащупав в темноте камень, он схватил его и побежал назад.

Яркий свет уличного фонаря осветил его долговязую фигуру, строгий окрик вынудил остановиться.

— Стой! Чего шумишь, малец?— и на свет вышел постовой милиционер.— Здесь место запретное, соцгородок. Гуляй давай, действуй!

Пришлось Витьке развернуться и топать назад.

IV

Пока Витька не поел борща, дед не задал ни одного вопроса по поводу разбитой физиономии. А она представляла немалый интерес для деда.

Наконец Витька отодвинул тарелку, дед подошел к столу.

— Конечно, если у тебя есть основания не говорить, где так разукрасили... я не принуждаю.

— Я упал, дед. Поскользнулся и упал.

— Кровь под носом, допускаю, упал. А синяк под глазом?.. Вранье— та же трусость, внучек. Только в иной форме.

— Придет время, расскажу, дед. Только сразу предупреждаю, ничего интересного в моей жизни нет.

Дед нагнулся и, как маленького, погладил Витьку по макушке.

— Этого-то мы наберем... интересу. Весь он в нас самих. А все вокруг — отражение, порой с синяками да шишками. Не унывай, Витюшка. И не забывай.

Дед ушел в комнату и включил телевизор.

Было поздно, но в комнате деда еще работал телевизор, передавали репортаж с чемпионата по санному спорту. Витька лежал на диване, осторожно трогая синяк, как зазвонил телефон. Он снял трубку, звонил Борька Масленкин.

— А мне твоя мать сказала, что ты заболел,— удивился Витька.— Ты откуда говоришь, не из дискотеки?

— Из одеяла,— рассмеялся Борька.— Укрылся одеялом и звоню. Ты о чем с моим отцом трепался?

— Да так, о пустяках. Как были на реке.

— А я все думаю, чего он разволновался, ничего не говорит, а лекарство пьет... Зря ты сказал.

— Извини тогда. Но он сам бы догадался. В такую погоду

просто так не простывают. И потом он же сказал, что в наши годы сам был такой.

— Наверно. Он мужик толковый... Давай сходим к нему на ипподром, когда поправлюсь?

— Сходим, Борька...

— Да, забываю спросить, ты по какому поводу звонил мне!? По делу или так?

— Просто так. Какие у меня дела? Ты же знаешь...

— Ну, мало ли... Может, насчет ключей. Ловко ты в классе решил разыграть. Вроде как прикупить хотел.

— Ничего я не хотел. Я вправду знаю, Борька.

— Брось ты, Витка. Мы же вместе с тобой были во дворе, чего ты врешь? Скажи, разыграл всех, да не вышло. Думал, что они клюнут? А они не клюнули. На скачках, знаешь, как этот прием называется?

— Нет.

— Ложный обход. Чтобы узнать возможности лошади соперника. Делают рывок, а потом лошадь свою придерживают...

— Я, Борька, не лошадь...

— Правильно. Но считал, что они клюнут. Ведь так?

— Не совсем. Но любопытно.

— Такой примерно технический прием ты и применил на собрании. Мы так все поняли. Иначе зачем? У тебя же ключи не взяли?

— Кто это все?

— Да все, мы, потерпевшие,— приглушенно рассмеялся Борька.

Витка тупо уставился в одну точку. Технический прием...

А он-то думал всех выручить, по-справедливому... Может и верно, все это ему показалось, приснилось и ничего не было? А захотелось всех разыграть, прикупить, как говорит Борька. И Веревкина не было, Чуни и Жука. Спектакль, одним словом.

В трубке опять раздался Борькин голос.

— Ты чего пропал? Уснул, что ли? У меня отец вставил новый замок... На всякий случай, говорит. И Шатров звонил, у него отец тоже купил другой. Так что забудь, черт с ними, ключами...

— Не в них дело, Борька. Разве в ключах теперь дело...

— Именно, Витек,— не понимая его, перебил Масленкин.— Я уже и думать перестал о них. «Пусть подавятся»,— сказал отец.

— Правильно, он сказал, твой отец. Пусть подавятся.

Они еще обменялись парой фраз и положили трубки.

Витка впервые в жизни понял, что такое пустой барабан, на котором играет Жук. И представил, что барабан этот он сам и есть. А, засыпая, Витка увидел, что на его медных та-

релках лежат ключи и он охранял их, как часовой, от всего наседавшего класса.

Он успел отбить суровую атаку со стороны Веревкина, Чуни и Жука, причем на лице Веревкина красовался крупный синий фингал под глазом, как вновь позвонили. Витька прорснулся.

— Как дела, сынок?— услышал он голос отца.— Ты уже спишь? Извини, что поздно. Мы с мамой беспокоимся, как вы там с дедом? Вечером не работала телефонная связь.

— Все нормально, папа! А вы как?

— Если честно, хорошо,— рассмеялся отец.— Все цветет. Мама передает вам с дедом привет. У вас, наверно, ледоход начался?

— Точно, отец! Именно сегодня, вернее — вчера! Как ты узнал за тысячи километров?

— Люблю это время, сердце почуяло. Перемены наступают...

Сила и уверенность передавались Витьке вместе с голосом отца. Обретались надежда и спокойствие в душе.

— Слушай, пап, а что у тебя с Веревкиным было в исполнении?— вдруг спросил он и замер.

— С Веревкиным? Да ничего. Он не нашей когорты, сынок. Его время уходит. А что такое? Почему он тебя интересуется?

— Это к слову. У меня нет к нему интереса, отец.

— Вы там с дедом мирно живите, не ссорьтесь. Маме передаю трубку...

Но в трубке неожиданно раздались частые гудки. Витька подождал немного и положил ее. Основное было сказано. И он снова лег в кровать.

Неожиданно вспомнился найденный сегодня конверт. Витька встал, достал его из кармана куртки. Повертел в руках: «Директору школы». Какой школы, кому именно?..

И он вскрыл конверт.

V

Прорснулся Витька внезапно. Как от толчка.

Светило солнце. Через край занавески синело небо.

В комнате деда было тихо, он еще спал. Витька позавтракал, убрал за собой посуду, подтер упавшие на пол капли воды и, стараясь не шуметь, оделся.

Из дому он вышел примерно в то же время, что и вчера. И ноги сами повели его мимо городского парка с воронами на старое плотбище, словно и без хозяина знали, куда ему идти и к какому часу. Было такое предчувствие, что именно сегодня должно произойти очень важное для него, что-то серьезное.

Он вдруг обратил внимание, что его совершенно не волнует река с ее ледоходом и табунами льдин на воде. Появился новый цепкий взгляд, замечающий то, мимо чего он мог раньше пройти, не обратив внимания, и, наоборот, в поле зрения не оставалось такого, что прежде Витька не мог выпустить из виду. Ему показалось даже, что и видеть-то он стал в это утро острее.

Солнце светило прямо в глаза. Он шел по берегу, как по битому стеклу,— так сильно блестели и потрескивали под ногами осколки льда, усыпавшие кромку берега. Вода в реке за ночь заметно прибыла, теперь мелкое крошево льда шло сплошным потоком возле самых лодок у деревянного сарая. Пепелище вчерашнего костра было скрыто под водой.

Он миновал какие-то свайные конструкции из полусгнивших столбов и здесь, между разрушенным дебаркадером и сваями, увидел тех, ради которых и шел сюда. Предчувствие не обмануло его. Встречи с ними он никак не мог миновать, уж это он знал наверняка. Потому что сам хотел этого.

Вначале он услышал далекий крик о помощи. А присмотревшись, отчетливо заметил на середине реки льдину с темными пятнышками людей. Совсем не обязательно было их видеть, даже с закрытыми глазами Витька мог сказать: «Это они — Веревкин, Чуня и Жук».

Не мог не ухватить Веревкин своего, просто не мог. Это Витька понял еще вчера, когда заметил его на берегу. Не осознал, но почувствовал сразу. Такое видится в человеке. Весь интерес у этих людей — снаружи, как говорит дедушка.

Недаром Веревкин-младший ходит с таким видом, словно принохивается ко всему. Так вот оно что! Соглядатай! Именно это, оказывается, и не нравилось ему в этом парне... собачье принохивание, похожее на настырный сыск чего-то, чтобы потом использовать. Прыгнуть вчера на льдину — не рисковал. И правильно, не успокоилось еще на реке, не уgomонил-ся ледоход, всякого можно было от него ожидать.

А сегодня — проще: весь лед взломан, плавает по реке спокойно, как обычно лодки-плоскодонки. Не зевай только... Опять же фора за ним, за Веревкиным. Знает он, когда выгодней. Но сегодня что-то не рассчитал, не все же должно везти, а, может, погеройствовал нахально. Льдину и отбило от берега, а там понесло...

Витька сразу нашел зеленую Борькину лодку. Перевернул ее с натугой и стащил к воде.

...С лодки открылся такой широкий простор, что Витька обомлел. Неторопливо и мощно, как тяжелый корабль, про-

биралась к горизонту большая серая льдина с черными фигурками посредине.

Ребята заметили лодку и заегозили.

Льдина крутанулась вокруг своей оси, тяжело покачиваясь блестящими обмыленными краями в темной воде. С каждым гребком Витька все ближе подплывал к ней.

Он подгреб почти к самой льдине. Чуня, Жук и Веревкин сгрудились на ближайшем к лодке краю, отчего льдина накренилась. Ребята с испугу попятились назад.

— Еще, еще! На самую середку! Иначе перевернетесь, лопухи несчастные!— скомандовал Витька, не чувствуя к ребятам особенной злобы.— Без паники, охламоны! Вам лекцию прочитать о любви или так все поймете?— насмешливо спросил Корабельников.

— За такие слова по соплям получишь, академик!— грозно вырвалось у Веревкина. И замер, опомнившись и боязливо оглядываясь вокруг.— Извини, Витек...

Поздно, Витьку слова взбесили, взорвали изнутри его спокойствие. Черные пятна вороньем закрутились в глазах, надо было срочно открыть пары. Чтобы не лопнуть от бешенства.

— И ты здесь, Веревкин!?— ласковым, притворно удивленным голосом спросил Витька и привстал в лодке.— Здорово, предводитель! Далеко ль путь держишь? Не к Каспийскому ли морю ватагу повел?

На льдине молчали. Сочли за благо — молчать.

— Вот она — фора, Кастет. О какой ты и не мечтал,— сказал Корабельников, успокаиваясь.— Можно сказать, подарок судьбы. Скажу для сведения, от льдины вашей скоро пшик останется. А чего это тебя Кастетом звали?— внезапно спросил он.

— Просто так, Витя, просто так. От имени,— торопливо ответил за Веревкина Чуня.

— Не лезь, Чуня,— толкнул его в бок Веревкин.— Витек сам знает, мне кастет не нужен.

Лодку несло течением вместе с льдиной. Они, наверно, попали на самую стремнину: глубинные водовороты крутили льдину, ребятам все время приходилось перебирать ногами, как в танце, чтобы видеть перед глазами Витькину лодку. Это было забавное зрелище, почище чем в театре.

— Чего крутишься, Веревкин, как уж на сковородке? — подгребая веслами, чтобы лодку не кружило, спросил ехидно Корабельников.

Всем нутром своим Витька чуял, что Веревкин непременно и очень скоро завянет, и вот на такого Веревкина, настоящего Веревкина-младшего, не терпелось посмотреть. Очень не терпелось.

— И не забудь доложить, к какой цене относишь себя вместе с папашкой! Чтобы точно, по прейскуранту! А то, понимаешь, затрудняюсь, почемуенок выбирать. Не продешевить бы... Заодно и охладомнам своим цену назначь.

Чуню и Жука бил озноб. Вокруг лодки было просторно, пустынно и никого, кроме них самих...

— Гляди, Витек, если с нами что случится, тебе отвечать,— испуганно сказал Веревкин.

— Перед кем? О чем ты, Веревкин? Я ничего не скажу и никто, никогда не подумает. Помнится, ты сам вчера говорил...

— Ну, перед собой, Витек... перед совестью.

Витька поначалу опешил.

— А вдруг у меня совести меньше, чем надо? Вчера ты вообще о ней не упоминал, когда грозился урыть меня по-тихой. Да что это я вас беспокою, друзья мои, отвлекаю от маршрута. Посудина вроде жидковата для путешествий, так это мое личное отношение... Вы этого не любите. Зато предводитель — орел! Да и вы народ отчаянный. Придумщики!

Ребята преданно молчали.

— Я думаю, по ходу дела и ключики пригодятся. Держи, Веревкин!

И Витька бросил ключи на льдину. Дрожащей рукой Веревкин поднял их и держал перед собой.

— В карман! В свой карман! Вот так... При случае перешлите адресатам! У прокурора проверю.

При упоминании об адресатах Чуня и Жук немедленно закивали головами, соглашаясь. Веревкин отвернулся в сторону.

На Витькиных глазах дружная компания стала раскалываться, превращаться в случайных, незнакомых между собой лиц. Это было неожиданно, и это было страшно. Это как расслоение в растворе, вспомнил Витька по химии. Вначале перед тобой одного цвета жидкость, положим, черная. Но как только дашь ей выдержку при определенных условиях, жидкость начинает расслаиваться и оказывается, что состоит она совершенно из разных компонентов, порой даже и бесцветных почти.

Рассуждая таким образом, Витька не заметил, как его лодка отстала от ребят.

Он круто развернул ее и направил на льдину, словно, собирался таранить или взять на abordаж.

— Кто первый!?!— неожиданно заорал он, не зная и не понимая сути своего же вопроса.— Ну!

— Я!— вдруг возопил Жук с готовностью.

— Станешь человеком, Жучков?

В иной ситуации, Витька непременно бы расхохотался от своего вопроса, который, впрочем, вряд ли пришел бы ему в

голову. Но теперь он прозвучал естественно и без странностей. Никаких улыбок на лице ребят не читалось.

— Я спрашиваю тебя, Жук!

— Буду...

— Давай громче, чтобы сам услышал!

Витька смотрел сурово и непреклонно. Жук не выдержал и закричал, не обращая ни на кого внимания.

— Буду человеком, буду человеком!

— Хватит, Жучков! Не усердствуй!— Витька подставил корму к льдине.— Садись. А вы стойте на месте! Ну!

Жучков уселся на заднюю банку, вцепившись руками в борта лодки.

— Теперь, Чуня, твоя очередь. Что ты нам с Толей Жучковым пожелаешь в этот прекрасный весенний день? Ближе к микрофону, товарищ. Веревкин, не перебивать!

Витьке показалось, что у Чуни в глазах стоят слезы. Но это могло показаться, солнце резало глаза.

— Все, Витек, все нормально... Все нормально, ничего такого не будет. Спасибо. Мы с Толькой вместе... Извини, Витек...

— Поверим, Толя? Бессвязно, но, кажется, искренне,— сказал Витька.

К Жуку возвращался дар речи.

— Ага, ага, Витя. Он нормальный парень... Поверим Чуне. На льдине остался один Веревкин.

— Ну, что, орел?! Чем порадуешь, Веревкин? Для начала, может быть сообщишь публике, как хотел ее заложить директору школы?

Веревкин нагло уставился на Витьку.

— Ты чего мелешь, Корабельников? Когда это я хотел? И кого, своих ребят? Зачем мне?

— Не знаю. Может из интереса... Не все брелки тебе отдавали или за что другое,— Витька достал из кармана конверт и вынул из него лист бумаги.— Твое письмо?

— Зачем мое?— пугливо спросил Веревкин, роясь в нагрудных карманах.— Ты где его взял!? Украл, доцент!

Он дернулся к краю льдины, но снова отпрыгнул назад,— льдина вертляво качнулась.

— Спокойно, Веревкин. Конверт я вчера подобрал случайно, в туалете. Ты, наверно, курил и обронил нечаянно. Бывает. Итак, читаю документ,— обращаясь к Чуне и Жуку, торжественно сказал он.— Ага, вот здесь... И эту кражу ключей своих товарищей злонамеренно...— слышали?— злонамеренно совершили Жучков и Чанов, ну и все такое прочее. Дальше не интересно, там оргвыводы, как пишет сам грамотей. Нате вам, на память,— протянул Витька конверт с письмом Жуку и Чуне.— Возникает сакраментальный вопрос, что делать?

— Какой вопрос?— переспросил Чуня.

— А вы у него спросите, знатоки,— кивнул Витька на Веревкина.— Это он вам вопросы задавал. Он задавал, а вы исполняли, как последние шавки. Ну, ладно, что делать с Веревкиным? Вам решать.

— А чего вы со мной можете сделать? Я не крал. Это—они. У них что своей головы нет? Пусть бы вначале думали,— быстро затарахтел Веревкин.— Вам никто не поверит! Поняли?! Я и отца привлеку к этому!

— Да не трогай ты отца своего!—Не выдержал Корабельников.— Не о нем речь!

Жучков исподлобья смотрел на Веревкина, потом сказал, как бы раздумывая про себя.

— Может, не заметить его... Пусть плывет...

Веревкин оцепенел.

Чуня от волнения поднял руку, как на уроке.

— Пусть встанет на колени,— глядя на Витьку, сказал он.— И просит прощения.

— У тебя, что ли? — презрительно посмотрел на него Веревкин.— Другое дело, у Витьки. Он банкует.

От такой наглости Витька насупился и сказал.

— У них, Веревкин, у них! И с полным пониманием ситуации. Иначе мы тебя на этой посудине не видели. Правда, мужики?

Не дожидаясь ответов, Веревкин быстро, сноровисто опустился на колени и стоял так, не зная, что делать дальше.

— Да мне, собственно, все равно. Как хотите... Я не гордый, могу и постоять на коленях.

— Голову склони,— сказал Чуня, видимо, повторяя чьи-то чужие слова.— Шапку сними. Проси прощения.

Глядя на поверженного Веревкина, Витька Корабельников на какое-то мгновение почувствовал себя властелином в этой бело-синей бездне из воды и неба. Не будь подданных, откуда взяться властелинам?

Он перевел глаза на Жука и Чуню, они преданно следили за его взглядом. Веревкин понуро стоял на коленях.

— Хватит, наверно. А?— не выдержал Витька.— Пусть сядет...

Жук и Чуня пересели на банку ближе к Витьке, а Веревкин со льдины перебрался на корму.

— Вот мы и в сборе,— сказал Витька.— И теперь я прочитаю вам все-таки лекцию о любви и дружбе. С этого момента, считайте, я спас вас от гибели. Ясно? Через несколько минут наступит торжественная минута, ваш корабль под воздействием теплого воздуха и ледяной воды расколется на мелкие кусочки, и я, как говорят, не дам бы самого маленького за вашу сохранность. И если ты, Веревкин, вспомнишь свои ве-

ликие слова о благополучии, когда измывался надо мной, я могу лишь подтвердить их правду. Я понятно выражаюсь?

Веревкин сглотнул слюну и кивнул головой. Чуня и Жук молча смотрели в Витькины глаза.

— Но это не все... Ты трус, Веревкин, и я говорю это не тогда, когда вы были на льдине, а я в безопасности. Я говорю это в лодке, в которой мы сидим вместе. Она — общая для нас лодка. И риск — общий. Можете затеять драку, если хотите, — усмехнулся Корабельников, — можете утопить меня, если сможете. Но я проверю вас всех на вшивость, особенно тебя, Веревкин. Теперь мы в равных условиях, понял? Ни у кого нет форы. Все — справедливо. Ты думаешь, если твой отец расположился в исполкоме, так и ты все можешь? И всех можно подкупить и расценить? Ты думаешь, я бы успокоился с теми ключами? Принял бы твой подарок? Подонок ты после этого, Веревкин Костя, самый настоящий подонок.

Витьку несло, как несло по открытой большой воде лодку. Он был в ударе, и недаром, когда Витька говорил на классных собраниях, его слушали молча.

— А вы, Жучков и Чанов? Вы думаете, я вас тогда испугался? Я вашей дурости боюсь, жлобской и рабской дурости, как у последних шавок. Я за тобой с осени стал наблюдать, Жучков, когда из портфелей стали завтраки пропадать. И это я мог понять, ты вечно жрать хочешь. У тебя что, несварение желудка?

Веревкин охотно рассмеялся.

— У него, Витек, мать из дому ушла к другому мужику. Кормить некому... А папаша поддает или лечится, — как своему сказал он Витьке.

Жучков не выдержал и заплакал, уткнувшись в колени.

— Кто тебя спрашивает, Веревкин? — угрожающе спросил Витька, в упор глядя на Веревкина. Тот испуганно отвел глаза, и Витька вновь посмотрел на Жучкова.

— Перестань, Толя... Что ж, тебе некому помочь? А, Жучков?

— Чуня помогает, — сквозь слезы тихо выдавил из себя Жучков, — и Веревкин... Костя...

Вся злость, вся куда-то ушла, как вода в землю.

...Витька греб тяжело и устало. Ему помогал Чуня.

VI

Все вместе вытащили лодку на берег. Молча.

— Пошли, что ли... — сказал Веревкин Жуку и Чуне.

Как ни в чем не бывало.

И отправился вдоль берега.

Чуня и Жук смотрели в его спину. Потом зашагали в противоположную сторону. Через некоторое время Веревкин остановился и посмотрел назад, сплюнул и снова зашагал своей дорогой.

Витька Корабельников остался один. Сел на гладкий камень, нагретый солнцем, смотрел вдаль. Сидел Витька на камне и думал. Думал, почему так устроено, что кто-то должен подчинять, а кто-то подчиняться и почему надо быть настороже, что бы не облапошили и не подкупили? И почему он остался один? Ведь он же сказал правду, сказал все, что думал. И это должно бы соединить, примирить, по крайней мере, его с Жучковым и Чановым. А Жук и Чуня ушли вдвоем, даже не прощаясь.

Победа не радовала. Больше того, было тоскливо и печально. Может быть, он сам был жесток?..

Он постарался отвлечься от неприятных мыслей и начал с особым вниманием смотреть на воду, и вдруг внезапно увидел себя на льдине посреди реки.

От берега отошла зеленая лодка с незнакомым гребцом в синей куртке и спортивной белой шапочке, как и у Витьки. Незнакомец гнал лодку мощно, размашисто греб веслами, быстро подступая к льдине.

Но странно, восторга и блаженства от близкого избавления, которые должен бы испытывать Корабельников на льдине, совсем не было.

Зеленая лодка приближалась, а в душе появлялось какое-то тревожное чувство от неожиданной встречи. Незнакомец в синей куртке оглянулся на льдину, и Витька похолодел — в лодке сидел Веревкин-младший и улыбался.

Витька увидел свои испуганные глаза, почувствовал отяжелевшие руки и ноги... и ощутил полную безысходность.

От такой картины Витька даже зажмурился, встряхнул головой и чуть не свалился с камня. Какая лодка, какая льдина, что с тобой, Витя Корабельников!? Все было не так... не так... не так...

И причем здесь он, почему это он похож на Веревкина? Что за странные мысли!? Разве не он, Корабельников, расколол эту компанию и посмотрел на них изнутри? Разве не он дал им понять, кто они? А восстановленная справедливость?

Разве не он, в конце-то концов, спас их всех от верной гибели!?

Ведь спас же он всех! И совсем неважно, как это там произошло на льдине, совсем не важно. Главное — он вышел на результат, как говорит директор. И жестокость его — во благо.

Но что же тогда мучает, отчего вдруг тошно на душе и нет спокойствия?

Ярко светило солнце, больно для глаз блестели бесконечными зеркалами оба берега и вода, к глазам подступали слезы. И было непонятно, почему... Может, от солнца, которого слишком много в этот весенний день?..

Большая вода освобождалась ото льда. Кончился ледоход, и белые табуны льдин исчезли, как мираж, оставив после себя просторную дорогу длиною в тысячи долгих километров.

Сидел на обочине той дороги Витька Корабельников, думал и смотрел на реку.

СВЕТ ГОРЫ

Это было, как во сне...

Над кроватью висела картина. Художник изобразил на ней пологую зеленую гору на берегу морского залива с желтым огоньком у подножия. Гора напоминала таинственное животное. Иногда даже казалось, что живая гора, как большая улитка, медленно движется, ползет, погружаясь в спокойные воды залива. Глядя на картину, появлялось странное чувство, а вдруг гора, действительно, уйдет под воду и огонек угаснет?

По утрам от пустого созерцания загадочной картины, названия которой Женька Зимин не знал, его выводила мать, приговаривая:— «Ох, ты и соня, моя золотая...».

Почему — «моя золотая»? — раздражало Женьку. Что он маленький?

Сегодня обошлось без материнских напоминаний. Женька проснулся сам и второпях вскочил на левую ногу. А когда встаешь на левую ногу, жди потом непредвиденных вещей. И чаще всего неожиданностей плохих, это же ясно...

Чтобы такого не произошло, советовал его школьный приятель Валерка Пряхин, надо быстро переступить на правую, глубоко сосредоточиться, думая о предстоящих делах. Женька так и поступил, тем более дела на сегодняшний день намечались грандиозные по самым высоким меркам.

Оставшись один дома, он позвонил по телефону другому закадычному другу Володе Кудрявцеву.

— Наступил наш великий день. Ты готов?— торжественно спросил Женька.

— Всегда,— невозмутимо ответил Вовка.— Это ты спишь...

— Давно на старте. Мать долго копошилась перед работой, и сестра приклеилась. Только недавно ушла в школу.

— Но нам туда не надо,— прохрипел под Высоцкого другок.— Валерка Пряхин на вокзале, звонил оттуда. Ждет нас.

— Волнуется. Пещера-то его.

— Правильно, но это ничего не значит,— сказал Вовка.

— Значит, не значит, а веревку не забудь,— не обращая на

его слова внимания, напомнил Женька Зимин.— А еще спички и фонарик. Без этого нельзя...

— Вербку обещал Пряхин взять. У него какая-то особенная веревка, нейлоновая,— сказал Вовка.

— Ладно, не опаздывай...

На том и расстались.

...В пустом, холодном вагоне электрички, которая быстро набирала скорость, выяснилось, что фонарик у Вовки Кудрявцева горел совсем плохо — сели батарейки, а спичек никто не взял (у Женьки был коробок, но с одно-единственной целой спичкой среди множества обгорелых).

— У матери привычка класть в коробок обгорелые спички, мы с отцом ничего не можем с ней поделаться... Но это пустяки,— беспечно махнул рукой Женька.— Не самое главное.

По нему, так все — пустяки. Будто на свете есть нечто такое... А вот, что именно — Женька не говорит. Ему как-то Валерка Пряхин сказал, что вот его отец не признает пустяков. «Самое главное в жизни, сынок, пустяки. На них и вор, и шофер — всегда срезаются. Их надо держать в кулаке», — так говорит Валеркин отец. Валерка запомнил слова отца, но сейчас с Женькой спорить не стал. Зачем спорить в дороге...

Тонкую нейлоновую веревку осматривали особенно тщательно, знали, что от нее многое могло потом зависеть.

— Такой шнур выдержит нас всех,— убежденно сказал Женька.— Это для альпинистов и скалолазов. Чистый нейлон.

— У меня мать белье на ней сушит,— усмехнулся Пряхин.— Бельевая, говорит.

— Что она в этом понимает? Отличная веревка, ребята,— Женька с силой подергал бечеву на разрыв.— Блеск...

— Отец привез,— сказал Валерка.— Он у нас шофер-дальнобойщик, по всему Союзу мотается, по всем городам...

— Да! Молоток! — завистливо воскликнул Женька.— Позавидуешь. Чего только в дороге не увидишь!

Похвала друга приятна Валерке, тем более неожиданная. Он даже немного расчувствовался.

— Пещеру-то, мужики, обнаружил отец, а не я,— неожиданно для себя признался Пряхин.— Мы с ним были на рыбалке, он первым увидел с лодки лаз и сказал мне. Я вам тогда, ребята, соврал, что это я открыл... Хотелось пошаманить.

— Бы-ы-ва-а-ет,— протяжно отозвался Женька, глядя на замерзшие окна вагона.— Я сегодня тоже своим соврал, сказал — в школу пошел...

Володька Кудрявцев вначале слушал друзей с серьезным видом, а потом неожиданно расхохотался.

— А правильно, ведь, сказал! Абсолютно правильно! — от-

дышавшись после смеха, внимательно посмотрел он на Валерку и Женьку.— Как у нас пишут, пошел в школу жизни. Все именно так.

Все трое заулыбались, развеселились в полном согласии друг с другом.

— Красиво говоришь, Вовка! Подожди, мы еще открытие совершим!— подмигнул ему Женька.— Найдем, например, в этой пещере кости мамонтов, они жили в каменном веке, я знаю.

— Ты еще напомни, в конце четвертичного периода, до нашего рождения, — усмехаясь, сказал Вовка.

— В конце. Во времена плейстоцена, если шибко умный,— начал заводится Женька.— В конце периода.

— Мне что?.. Хотя бы в самом начале. Какая разница?

— Тогда молчи и не зыкай.

— Чего ты завелся, Женька?

— А то! Любая находка приближает нас к истине. Кости мамонта укажут на границу жизни прежних людей. Представляете, если мы их найдем!? — восторженно смотрел Женька на ребят.

— Ну и что будет? — спросил Вовка.— Что?

— Как что? Никому не известная пещера и кости мамонтов! Это же открытие, а не урок зоологии! — разгорячился Зимин.— Что будет, что будет...

— А то и значит, что ничего особенного не будет,— сказал Вовка Кудрявцев.— Все открытия внутри нас самих. Вот и все.

Цокали на стыках рельсов колеса. Белели заиндевелые окна вагонов. Молчали.

— Все знает, пора умирать,— скучно произнес Женька.— Зачем тогда едем, прогуливаем? Сидели бы в школе и ждали потихоньку открытий. Проще.

Валерка Пряхин внимательно смотрел на Женьку и понял, что в Вовкиной фразе был какой-то тайный смысл, и Женька его почувствовал, иначе не сидел бы он с таким отрешенным взглядом.

Электричка резко затормозила, вагон дернулся, связка лыж с грохотом упала на пол.

Валерка приткнулся лбом к замерзшему окну.

— Наша остановка! — закричал он.— Залив!

Ребята засуетились, вскочили и, мешая друг другу, бросились к выходу из вагона.

Из-за вокзального павильона с надписью «Залив» поднялось розовое солнце.

...Как же Валерка Пряхин любил такую погоду — ясную, морозную, с волнующим запахом снега! Сразу представлялось, что катишь, как и отец, от города к городу на тяжелом мощном тягаче-рефрижераторе по заснеженной дороге... Ви-

димось — полная, дали — открыты, дорога — укатана. И нет резких поворотов. Что еще человеку надо!? Зачем цепляться друг к другу? Болтать лишнее? Он же видит, Женька Зимин сразу сник, помрачнел после Вовкиных слов, тащится на лыжах, как по обязанности, а не идет. Жалко приятеля... Из-за каких-то там слов настроение себе испортил.

Он верно подметил, Женька обиделся на Володьку Кудрявцева. Обиделся за его слова, которые тот произнес чужим пророческим тоном, так толком ничего и не объяснив. Словно, смысл был известен только ему и никто, кроме него, слов этих не поймет. Эгоизм и самомнение! — вот как это все называется... И еще, если умный такой, чего ко всем приставал, давайте посмотрим Валеркину пещеру... Чего резину тянем? Могут другие опередить... А сегодня вон что запел, все открытия в нас самих... Теоретик нашелся! Сидел бы за партой, да открывал себя молча. Нечего тогда и шастать сюда, хромун несчастный!.. Глянь, как ногу волочит...

Женька присмотрелся к Кудрявцеву... а ведь, действительно, хромает.

— Эй! Вовка! Что у тебя с ногой? — сердито крикнул он.

— Ерунда! — ответил Володька, не оглядываясь. — До свадьбы заживет.

— Да ладно болтать-то! Не успеешь открыть себя полностью! — подначил его Женька и сразу от этого повеселел. — Давай, шлепай за нами, жених несчастный!

Какие там открытия внутри нас, — это еще неизвестно, а поступки совершать надо! Вот оно что. И поменьше болтать об этом! Действовать! С такой мыслью Зимин легко и радостно обогнал Вовку и пошел напористо вперед, напрямик к скалистому берегу. Недаром Женька был чемпионом школы по лыжам.

Сухой снег поскрипывал. До скал на другой стороне залива оставалось не больше километра, уже отчетливо виднелись на каменистой гряде сосны с обкусанными ветром и морозом верхушками... Тишина и необъятность кружили голову.

Володька посторонился, пропуская ребят вперед. Побаливала ступня, неловко прыгнул с электрички. Но какое это имело значение, если рядом Женька и Валерка. Своих друзей Вовка любил.

В практических делах Пряхин часто оказывался прав. И на этот раз он высказал дельную мысль — оставить лыжи внизу, под скалой. Зачем их тащить с собой, все равно рядом ни единой души. Только залив вокруг, а за ним, как черная паутина, висит над рекой ажурный железнодорожный мост.

Женька перевел взгляд на каменные глыбы, круто взбиравшиеся ступенями вверх и полез вслед за Вовкой. Снег под соснами был усыпан рыжими длинными иглами и шишками, но на скалах, как оказалось, его было совсем немного, он только чуть-чуть покрывал поверхность, так что взбираться по камням было нетрудно.

Женька поднял вверх вспотевшую голову и увидел, что Валерка Пряхин тащил к пещере длинную жердину.

— Зачем? У нас же веревка есть! Пряхин?

— А цеплять ее за что!? За воздух!?

— Ну даешь! Толково придумал... Просто здорово!— восхитился Женька, поняв Валеркину затею с жердиной. Потом повернулся к Вовке и тихо сказал.— Слушай, как же Валеркин отец мог разглядеть пещеру? А? Отсюда не видно...

Володька Кудрявцев не ответил. Внимательно смотрел на Женьку.

— Я разглядывал снизу, попробуй различи эту щель... Особенно летом, когда кругом кусты, зелень,— продолжал Женька Зимин.

— Сам не пойму,— задумчиво сказал Вовка,— что-то тут не так.

— А-а... впрочем,— махнул беспечно рукой Женька. Не бери в голову. Главное — она есть и никого в ней не было.

— Конечно, конечно...— быстро согласился Вовка.— В этом-то все дело.

И неожиданно закричал в сторону залива.

— Ду-у-ра-а-ки-и!

Женька недоуменно посмотрел на него.

— Что с тобой!? Кто это — дураки?

— Все. Но только не мы. И мы будем первыми, Женька!

Опять вроде бы почудилась загадка в Вовкиных словах, но вникать в них Женька не стал — не до этого теперь.

Нейлоновый шнур привязали к середине жерди. Женька быстренько скинул свою куртку и направился к щели. Пряхин Валерка его остановил.

— Первым — я.

Никто не стал спорить. Его право — быть первым.

— С богом,— подмигнул Женька и, улыбаясь, хлопнул Валерку по плечу.— Давай, следопыт,— завистливо сказал он.— Крикни оттуда, не забудь.

— Мамонтам привет,— добавил Вовка.

Валерка кивнул. Захватив конец шнура, он протиснулся в щель и скоро исчез.

— Метра три ползти,— глухо, как далекий шепот, раздавалось из черной дыры.

Веревка натянулась и ослабла.

— Все. Наверно, в пещере, — догадался Женька, всматриваясь в раструб дыры. — Должно быть, там...

Черная дыра молчала. Первый восторг проходил, на душе становилось тревожней.

— Валерка! — вздувая жилы на шее, закричал в щель Кудрявцев. — Пря-я-хи-и-и!

Тишина...

— Теперь моя очередь, — нетерпеливо сказал Женька. — Посмотрим, как там Валерка себя чувствует... Как в мышеловке?

— Подожди, Женька. Я полезу. У меня же нога больная, ты знаешь. В крайнем случае вытащишь нас обоих, — рассудительно возразил Вовка.

Логично, хотя и обидно. Вовка попросил у Женьки фонарик и залез в щель. Блеснули напоследок подковки на лыжных ботинках и Вовка пропал.

Женька остался один. Вот так почти всегда, как доходит до какого серьезного дела, он — в конце! Опережают! Все время приходится уступать другим, будто у него всего больше. Какие уж тут открытия, когда все перебегают дорогу и чего-то просят?

В руках медленно скользил нейлоновый шнур. Неожиданно он натянулся, Женька ощутил обратный рывок. Все в порядке. Значит, и Вовка — там!

Женька глубоко вздохнул и посмотрел вокруг. Одному было неуютно. Словно, находился внутри громадной, сверкающей раковины с раскрытыми створками — снизу пустынный, сияющий залив, а сверху нависший яркий купол темно-голубого неба. Того и гляди, створки захлопнутся...

...Позже Женька рассказывал, что, оставшись один, он был не так решительно настроен, как в самом начале, при друзьях. Пришлось заставить себя лезть в дыру и ползти. Чем дальше он продвигался по узкой, извилистой щели от дневного света (змея подколодная! — вспомнилось вдруг ему), тем заметнее расступался перед ним мрак. Рассеивался! Это было так необычно и непонятно, что он не только не испугался, но и не растерялся, пораженный таким явлением. До Женьки не сразу дошло, что свет этот — в стеклах его собственных очков, что в них просто-напросто отражается небо с краешком залива, ведь прополз-то он всего ничего, не пройдя даже первого изгиба в темной щели. Знала бы мать, где ее соня золотая торчит, — весело подумал Женька.

Свет исчез, как только щель круто изменила свое направление. Чернота моментально опутала его. Впервые в жизни ему стало по настоящему жутко, и он понял свою беспомощ-

ность. Назад! Обратно в день, к свету! Бог с ней, этой пещерой!

Стыд, жгучий неодолимый стыд перед собой, как перед посторонним человеком (о ребятах он в тот момент и не думал), остановил его внезапное побуждение. С лихой отчаянностью (будь, что будет!) Женька продолжал ползти дальше.

Щель была бесконечна — так показалось ему в полной темноте. Он чуть не закричал от испуга и пожалел, что отдал свой фонарь Вовке, а сам остался ни с чем. Тоже мне, благодетель нашелся! Ползет, как крот, в крошечной темноте! Кстати, может ли крот видеть под землей?

Хорошо им там, Валерке с Вовкой, с электрическими фонарями... А тут не сразу и сообразишь, где находишься, в каких пределах.

В это мгновенье руки нащупали край обрыва и ощутили пустоту. Щель кончилась, понял Женька. Веревка падала вниз. Где эти козлы, лопухи несчастные? Почему не встречаются, не дают о себе знать!? Они что забыли о нем!? А может быть, провалились в глубокую яму? Ледяной озноб пробежал по телу, заколотилось сердце.

Он вытянул вперед шею, напряженно прислушиваясь. Следела с мокрой головы шапка и где-то внизу побежали камушки. Ни единого звука, ни шороха не доносилось до Женьки. Еще немного и страх окончательно возьмет над ним верх...

Внезапно он увидел, как очень далеко вспыхнули два крошечных ярких огонька. Они быстро увеличивались в размерах и превратились в светящиеся лучи. Пересекаясь между собой и порой исчезая, лучи приблизились к Женькиному лицу и уткнулись в его глаза.

— Эй! Кончай шалить! — нарочно грубо крикнул Женька, скрывая свою радость.

Внизу засмеялись дерзко и весело.

Приладившись, он спустился по веревке вдоль отвесной стены и застыл на месте, боясь шагнуть в полной темноте.

— Вы где?

— Здесь! — неожиданно раздалось рядом с ним. — Чего так долго? Мы ждали тебя.

Всвечились искаженные до неузнаваемости два лица.

— Давай, Вовка, мой фонарь, — потребовал Женька. — Я потерял шапку.

— Потерпи еще немного. Женька, — голос Володьки звучал виновато, как тогда у щели. — Ты пока шапку ищешь, мы с Валеркой быстренько посмотрим, что впереди. А мой плохо светит, ты знаешь.

И Вовка ткнул ему в руки теплый маленький фонарик. Женька нажал на кнопку, мутный луч выхватил крошечное пятнышко земли.

— Мы не задержимся, не успеешь шапку найти...

— Разведку произведем! — восторженно сказал Валерка. — Это наша теперь пещера! Никого тут до нас не было! Понял, Женька?

— И отныне — наша прислужница, будем приказывать! — воскликнул восхищенно Вовка. — Глазастый же у тебя отец, Валерка. Догадливый!

— На сивой кобыле не объедешь, точно!

Они и рта не дали открыть Женьке, продолжая возбужденно болтать, перебивая друг друга. Как-то странно подействовала на них пещера.

— Ну так как насчет твоего фонарика, Женька? — спросил потом Вовка. — Мы только туда и назад.

— Ладно, — буркнул Женька. — Ограбили. Далеко не отходите.

Свет от фонарей мигнул и кружочками запрыгал по камням.

Шапка нашлась на удивление очень быстро.

Слабый, тусклый свет от Вовкиного фонаря, как оказалось, давал свои неоспоримые преимущества, можно сказать, преимущества кардинальные: он, блеклый свет, вынуждал сосредоточенно и внимательно смотреть под ноги. Углубленно всматриваться, вглядываться в пространство перед собой. Значит, и замечалось при этом больше, чем при ярком, ослепляющем и обманчивом свете.

Благодаря неожиданному качеству, а, пожалуй, все-таки вопреки ему (так оно привычнее) Женьке Зимину неожиданно удалось сделать свое открытие. Да такое, что оно стало его тайной на долгое потом время!

Кудрявцев и Пряхин посчитали, что они ушли далеко. В темноте трудно ориентироваться. Направив свои фонари в сторону Женьки, друзья не увидели его и забеспокоились.

— Задний ход, — сказал Вовка, волнуясь. — В этом мраке и себя потерять недолго, не то, что Женьку...

Валерка осторожно двинулся назад. Яркий луч света от его фонаря блуждал по дну пещеры, высвечивая черные впадины и пыльные камни. Ничего интересного вокруг не было.

Внезапно Пряхин отпрянул.

— Что с тобой? — испуганно спросил Володька.

— Мышь под ногами пробежала, терпеть не могу. Как их Женька Зимин держит дома?

— У него белые... Культурные мыши.

— Какая разница. Все равно мыши. Белые, серые. Тварь

земная... Отец рассказывал, у них один шофер держал такую прямо в кабине, в проволочной клетке, как птичку...

— Ну и что?

— Сменщик заморозил,— рассмеялся Валерка.— Открыл зимой дверь в кабину и так оставил. Забыл. Вот и все.

— А зачем? Сказал бы ему.

— Видно, здорово надоела... А как еще избавиться?

Посветили вокруг, покричали. Слова быстро исчезали, глохли в пещерном мраке.

Двинулись дальше — на поиски Женьки и щели.

— Не нравится мне это,— сказал Вовка.— Кажется, совсем недавно расстались. Давай вместе! Зи-и-им-и-ин!

Прислушались.

— Же-е-ень-ка-а!

Лиц в темноте не было видно, но Пряхин чувствовал, что Вовка, как и он, крутит головой по сторонам.

— Чего орете? — вдруг спросил чужой голос.

Тишина сдавила уши.

— Я вас спрашиваю? — грозно повторил незнакомец свой вопрос.

— Кто это? — тихо выдавил из себя Валерка, приседая.

Вовка застыл, даже дыхание своего не слышал.

Пауза затягивалась.

И вдруг совсем рядом — заржали. Не засмеялись и не захохотали. А именно — заржали громогласно.

Сразу отлегло от сердца. Конечно, это был Женька!

— Тоже мне, жеребец! Ахалтекинец! Ему кричат, а он молчит, как воды в рот набрал! — закричал на него Вовка. — В другой раз не будем искать! Поймешь свои шуточки!

— Я чуть штаны не устряпал, мышачий натуралист! Как бы я в них находился! — не выдержал и Пряхин.

Женька улыбнулся и стал оправдываться.

— Бросили, да еще тянут на меня. Нахалы. Кстати, пока искал шапку, твой фонарик, Вовка, сел окончательно. А без него, сами понимаете, одуреть можно одному...

— Экономил бы, а не жег постоянно,— насмешливо ответил Вовка.— Транжира ты, Женька...

— Еще и насмехается,— не обращая на него особого внимания, продолжал Женька.— Свет погас. Я присел на камушек, кое-как нащупал... И пожалуй, закемарил немного. А потом слышу, рядом стоят и орут над ухом. Думал — наступите на меня,— весело сказал он.— Смешно стало..

— А ты не испугался, один-то? — виновато спросил Валерка.

— Не-е... Вы же рядом были, я знал. Да и куда денешься отсюда? Ну и чего там видели?

— Ничего интересного, Женька,— махнул рукой Вовка.— Мыши одни, нет мамонтов.

— Открытий не будет,— добавил Валерка.— Печаль и тоска.

Женька взял от Володьки свой фонарик и выключил свет.

— А вы прислушайтесь...

Затаили дыхание. Вовка закрыл глаза, потом открыл. Никакого эффекта, полная темнота. И тишина. Но вот послышалось — звон упавшей капли... Еще. Через равный промежуток времени смачно упала третья... Он тронул за рукав Валерку.

— Вот-те раз... Мы где-то искали, а он, Валерка, не отходя, нашел,— сказал Вовка.— Может быть...— сомневающимся тоном закончил он.

— Посмотрим?! — предложил Женька.— Я давно слушаю. Словно время падает...

Валерка поморщился.

— Опять какие-то сложности. А впрочем, как скажете, мне все равно...

Володька, тот вообще промолчал.

— Ну, вы чего... Совсем спеклись? — спросил Женька и решил взять на себя инициативу.— Это совсем рядом, иначе мы бы не услышали. А в другой раз, может, не соберемся. Потом будем жалеть.

В нем неожиданно вспыхнул азарт. Он появился внезапно, как открывается вдруг, в самый тяжелый момент, второе дыхание на лыжных гонках. Женька уверенно пошел вперед, ребята даже удивились, не бывал ли он здесь раньше?

Звуки от падающих капель стали отчетливее и громче. Белые пятна света выхватили из черноты нишу в стене, судя по всему, это был лаз в следующий прот.

Женька первым вступил в тоннель. Луч от фонаря скользнул в пустоту, и черное пространство моментально озарилось волшебным матовым светом.

Ребята оторопели и замерли на месте.

Долго потом вспоминал Женька то мгновение, тот миг, который отделял «царство тьмы от царства света» (именно такими словами он сам обозначил этот переход).

Перед ними, на несколько метров ниже, светился высокий просторный зал, которого он прежде не смог бы представить даже в сновидениях. Удивительно прямые искрящиеся колонны, как магистральные световоды из стекловолокна, свисали гирляндами до самого низа. В промежутках между ними стояли могучие соляные столбы, подпирая каменные своды зала. Хрупкостью веяло от этой картины и вечностью...

— Сталактиты и сталагмиты,— заявил Вовка Кудрявцев.— Геохимический продукт, ничего необычного. Подарок природы.

— Угу,— поддержал Пряхин.— Здорово, конечно. Одну бы такую палку домой поставить. Но без веревки к ним не податься.

— Даже пытаться нечего,— сказал Вовка.

Женька не произнес ни слова. Более того, сильно удивляясь самому себе (что с ним происходило? — не мог он понять), Женька очень обрадовался решению друзей. И даже улыбнулся в темноте.

Как на грех, никто из ребят не взял часов. Бывает же такое, все забыли... Течение времени не ощущалось. Поэтому определить, даже приблизительно, сколько они пробыли в пещере, никто не мог.

Батарейки сели, тусклый свет отражателей электрических фонариков еле-еле высвечивал часть нейлоновой веревки, свисавшей из высокой щели. Подняться по бечевке не было никакой возможности, руки скользили. Усталость и безразличие блуждали рядом. Хорошо, страха еще не было.

Кто-то вспомнил о каменном мешке, кажется, Валерка Пряхин.

— Фамильные склепы не в наших традициях,— уныло пошутил Володька.— Это у них, на западе. Я читал.

— Выползать надо. Пока не выдохлись окончательно,— сказал Валерка.— Шофера зимой так иногда замерзают, когда дороги заносит... Засыпают от холода.

— Мышь неразумная...

— Какая мышь? — удивился Пряхин.— А-а-а... та самая? — вспомнил он.— Примерно так. Пахла она здорово, мешала.

— Кому?

— Всем. Рабочему коллективу.

— А ты откуда знаешь? — не унимался Вовка.— Неужели всем?

— Отец говорил. Тебе-то какая разница?

— Да так. Непонятно.

Женька стоял молча, не вникая в разговор. Говорить не хотелось. Он слушал себя. Что происходило в его душе, что заставляло сосредоточиваться в необъяснимом ожидании? Какое предчувствие томило его? Не о том ли говорил в электричке Вовка, имея ввиду открытия в самом себе? «Скорее всего,— подумал Женька,— открытие самого себя».

О каких-то неразумных мышках говорили Валерка с Вовкой, потом их разговор прекратился. Женька снова задумался. «Тогда, в электричке, Вовка ляпнул слова и слова сказал правильные, но насколько он сам их прочувствовал, чтобы принять их? Ведь в этом все дело. В принципе Володька, пожалуй, прав. Но тогда, как не крути, все поступки, значит, толь-

ко для внутренней работы? А сами они что? В чем их смысл? А? Действительно, для чего нужна эта пещера, колонный зал, похожий по своим размерам на православный храм? Сами по себе? Не-е-ет... Сами по себе они были до меня... одни. А теперь...», — он не успел ответить себе, как почувствовал прикосновение чьей-то руки.

— Женька! Эй! — услышал он Вовкин голос. — Уснул, что ли!?

— Нет. Слушал... — спокойно ответил Женька. Страх не было.

— Мы с Пряхиным сообразили, что делать.

— Да? — Женька неожиданно оживился. — Как с мышью?

— Трепач! У Валерки голова здорово варит, я бы так не смог, — сказал Вовка. — Железно говорю.

— Перестань болтать, — перебил его Пряхин. — Вместе прикинули.

— Короче, сделаем спортивную пирамиду и вылезем.

— Очень все просто, — подтвердил Валерка.

— Весь вопрос в том, кому держать? — сказал Вовка.

— Мне, — ответил Женька. — Кому же еще? Пряхин мало-ват. У тебя нога больная.

— Так-то оно так, — замялся Вовка. — Но можно и разыграть, если хочешь.

— Не-е-ет. Совершенно не хочу.

— Почему? — удивился Валерка. — Надо по справедливости.

— Это мое дело, — с нажимом произнес Женька. — Вас не касается.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего не имею.

— Дело твое. Только, чтоб не подумал на нас... — обрадованно начал Вовка, но Женька перебил.

— Если б подумал, тогда делá нечего вместе ладить, — решительно сказал он.

— Правильно. Потом мы тебя за веревку вытянем. Сделаем петлю и вытащим, — сказал Валерка. — Ты не бойся.

— Не надо меня упрашивать. Я вам сказал.

Он хотел поторопить их, сказать об этом, но Валерка определил его слова, найдя быстро конец веревки и сделав наощупь петлю.

— Готово. Полная надёга, — сказал Валерка и неожиданно добавил, — а вообще-то, ребята, я темноты боюсь, понял здесь, в пещере. Все время себя переламывал, тяжело...

— Я тоже, как ни странно. Очень одиноко, — откликнулся Вовка. — Одно слово, темница. И беззащитная в ней мышь.

— Сдалась она тебе. Сдохла элементарно, — раздраженно сказал Валерка. — И даже не почувствовала.

— Ничего удивительного,— насмешливо сказал Вовка.— Что с нее взять? С доверчивой дуры.

— Лезьте,— приказал Женька.— Лезьте на мою широкую спину и кончайте разговор!

Почему-то не терпелось остаться одному.

Значительно позже Женька как-то признался, что еще в тот момент, готовясь остаться один на один с жутким подземельем (каменный панцирь и полнейший мрак!), он впервые ощутил себя в новом качестве, ранее совершенно ему неизвестном,— он осознал реальную возможность быть героем (сказано было им совершенно серьезным тоном). Он еще добавил,— не стать им, а быть им, причем не выпячивая этого свойства перед другими.

И еще он понял, что, оставаясь наедине с пещерой, он не испытывает себя, а преодолевает какой-то внутренний порог... Чем это все обернется... кто знает?

Когда Женька остался один, он не стал спешить с подъемом. Неторопливо присел на камушек и прислушался в темноте. Больше он сюда никогда не придет,— решилось само собой,— потому что уже не будет таким, каков он есть сейчас, и все может потом с ним непредсказуемо измениться.

Женька достал из кармана маленький огрызок свечи, подобранный им в пещере. Подержал в ладони. Именно его и считал Женька своей тайной. Он нашел огрызок в пыли между камнями, когда искал на земле упавшую шапку. И не удивился находке, потому что исподволь был готов к этому. Вовка Кудрявцев только догадывался (помните его — «Ду-у-ра-а-ки-и!»), а он, Женька, теперь твердо знает. Кто-то был раньше их. Но пусть Вовка и Валерка останутся в неведении. Потому как для них пещера — тоже открытие и своя тайна.

Он наощупь поставил огрызок на камень, осторожно чиркнул спичку о коробок и зажег свечу. Тлеющий огонек чуть разгорелся, ничего не освещая вокруг, и угас.

Потом Женька не мог восстановить в памяти, сидел он с закрытыми глазами или открыв их... Впрочем, не так важно, все равно было темно. Но вот что удивительно. Внезапно, вспомнив загадочную картину над своей кроватью, он зримо представил каменный грот в горе, освещенный слабым пламенем восковой свечи, тени от соляных столбов (так и хотелось ему сказать — со времен изначального мира!), черную тишину

и желтый мятежный огонек посреди пустынной пещеры. И себя — там, сидящим на камне.

Он не чувствовал страха, наоборот, было спокойно и даже торжественно на душе, словно пламя погасшей свечи озарило его самого и навсегда избавило от волчения и пустой надежды. Женька еще не знал, что так незаметно опадают старые, отжившие свое детские представления, что новый мир также незаметно крепнет и приобретает стойкие черты, одновременно рождая в самом Женьке уверенность и силу.

Женька, не догадываясь, вырослел.

Он был убежден, что день этот не скоро закончится для него, даже если на улице и будет стоять ночь. Потому что откровения в самом себе происходят постоянно, надо только понять это.

Нащупав нейлоновый шнур, Женька пролез в широкую петлю, туго стянув ее на поясе и резко дернул за верхний конец.

Шнур натянулся, и Женька медленно поплыл вверх, к свету.

ЧАСЫ НА ПАМЯТЬ

I

Часам мальчик очень обрадовался.

Он сразу нацепил их на руку и, стараясь не выдавать счастливого вида перед взрослыми, незаметно уселся в стороне от праздничного стола, поглядывая то и дело на свой подарок.

Вначале он любовался часами, как любят подарок вообще, вещь в целом, потом стал восторженно рассматривать все по отдельности: черный пластмассовый корпус с ремешком, блестящие никелированные кнопки, иностранные слова, окружавшие стеклянный экран, и, наконец, его вниманием полностью завладели сами цифры, мерцающие и зеленоватые.

Они беззвучно появлялись и исчезали, определяя различные промежутки времени — от долей секунды до минут и часов. Это было очень удобно, и он подумал, что теперь вместе с часами сможет проследить за временем и постарается не потерять ни одной секунды в своей жизни.

«Вот теперь, внучек, ты будешь знать цену времени», — загадочно и непонятно сказала ему бабушка, когда увидела его подарок. — «Это самое дорогое, что есть на свете».

Слова мальчику понравились.

Он неосторожно задел одну из кнопок и на экране вдруг выплыла из глубины стайка крупных цифр — 1982. Мальчик с изумлением понял, что часы показывают еще и годы!

Немного оробев и пугаясь новых неожиданных чудес, он больше не стал нажимать на кнопки.

Занятый своими часами, мальчик не сразу заметил, как к нему подсел старший брат. Чуть-чуть запахло вином, брат впервые на его глазах немного выпил вина вместе со взрослыми.

— Вижу, понравились часики? — обнимая его за плечи, спросил он. — Думал, что привезти своему братишке в подарок?

— Спасибо тебе, Васятка. Здоровские часы. Ты их купил?

— Корешок на радостях отдал. Перед своим дембелем... Я еще такие достану.

— Где достанешь? — не понял мальчик. — У себя в армии, да?

— У духов возьму. Себе в подарок.

Мальчик не знал, кто такие духи, и недоверчиво улыбнулся.

— А если не дадут они?

— А мы их не спросим, — беззаботно рассмеялся брат. — Ишь чего захотели...

Повеселел и мальчик, сразу поверив, что его брату никак нельзя отказать в таком подарке. Даже неизвестным каким-то духам. Вон какой Васятка стал в армии большой и сильный.

Погладив часики, мальчик приложил их к уху.

— Чудно! Нисколько не тикают. Хорошие часы. Электронные.

— Носи на здоровье. Через год вернусь, поменяю батарейку. И Васятка поднялся.

— Пойду немного пройду. Одни разговоры за столом...

Как только Васяткина тельняшка появилась в окне, мальчик мгновенно засекал время. Мелькали маленькие цифры в углу экрана, чуть сбоку торопились секунды... Васятка наискосок пересек двор, обогнул поленицу дров, согнав с насиженного места кур, прошагал мимо засыхающей вишни и уборной, открыл калитку в заборе и... все. Больше его не было видно в окне.

Мальчик понял, что брат решил пройти огородами к автобусной остановке, значит, поедет в соседний поселок к знакомым парням. Мальчик посмотрел на часы — 1 минута, 9 секунд. Столько времени он видел Васятку в окне.

Наблюдали за Васяткой и за столом, потому что мальчик слышал хриловатый голос — «Гляди, как вымахал Васька... Со спины, так прямо мужик какой зрелый».

— Мужик и есть, если в армию взяли.

— Вроде недавно, а уж на побывку прибыл...

— Значит, хорошо служит, раз отметили, — сказали с другого конца стола. — Покой наш охраняет...

— Взрослый мужчина.

— Женихом скоро станет...

— Придет на будущий год и станет, дело житейское...

— Да может и сейчас какая у него есть, кто знает? Не успели еще спросить как следует, а его и след простыл...

— Слинял, по-ихнему...

За столом весело загалдели.

— Что ты болтаешь? — различил мальчик сердитый бабуш-

кин голос.— Какой он еще жених тебе? Мальчишка, не гулевой. Откуда им быть? — возмущалась бабушка.

— Ну, ну... не гулевой,— не унимался хриловатый голос.— Сегодня не гулевой, а завтра — принимай Марусю с гусем.

Все громко засмеялись, словно ждали этой шутки. За столом сидели свои, давние соседи по жительству. Жизнь бежала одинаково для каждого, поэтому никто не завидовал чужой радости.

Одна бабушка оставалась серьезной.

— Я правду говорю! — не унималась она.— Откуда ему? Школа и сразу взяли в армию... вот и вся пока жизнь. Согрешить-то некогда... А ты про Марусю... Вы-то чего, родители, молчите?

— Оно, конечно...— услышал мальчик голос отца.— Я замечаю, жить с каждым годом легче. Мы, вон, по четыре года на флоте служили...

— В армии было поменьше, три сезона,— перебили его.

— Все равно не два, как у них сейчас. Чего не служить? Видишь, за границей размещен, где-то в Афганистане, дружеской стране. Чужие места посмотрит. Чем не турпоход?

— И бесплатно,— добавил кто-то.

— А вернется, свое возьмет,— хохотнул отец.— Природа! Среди общего шума, мальчик расслышал бабушку.

— И девушку найдет свою, все будет хорошо,— говорила она.— Жаль, дед его не дожил, а то порадовался бы с нами. Царствие ему небесное,— перекрестилась она.

— Давайте выпьем за него и всех нас,— предложил кто-то.

— Давно жду подходящего момента,— обрадовался хриловый.

Все замолчали.

— Двадцать два часа, пятьдесят минут, шесть..., нет, семь секунд!— вдруг вырвалось у мальчика.

На его слова никто не обратил внимания. Закусывали.

Потом хриловатый голос сказал — «Какие, однако, долгие дни стоят...»

II

Раньше, бывало, мальчик мерял расстояние только шагами. Например, до большого дерева посреди клеверного поля было 1228 шагов.

С появлением часов жизнь заметно изменилась, все как-то закрутилось быстрее. До дерева он теперь не шел, а бежал — бежал ровно 3 минуты, 59 секунд!

Вот и сейчас он стоял, запыхавшись под раскидистой кроной в тени и смотрел на окраину поселка. Чуть-чуть виднелась вишня возле дома... Всего около четырех минут назад он стоял еще у открытой калитки рядом с ней и смотрел на дерево. Издалека оно не казалось таким большим, а походило на раскидистый куст ивняка возле соседской бани.

«Как быстро время все увеличивает или уменьшает...» — удивился мальчик, мысленно сравнивая далекое и близкое дерево.

Он, прищурясь, запрокинул голову. «Какое высокое! Интересно, за сколько минут можно залезть на него?» Мальчик не стал долго раздумывать.

...То, что он увидел, было полной для него неожиданностью!

Во-первых, на коре ствола оказались зарубки, которые не сразу и заметишь... Зарубки были небольшие, похожие на маленькие ступеньки.

Но главное, когда он вскорабкался по ним, он увидел, что на двух нижних толстых ветвях были настелены и прибиты скобами доски, а на них навалено сено. Сооружение сильно смахивало на полати, как в бабушкином доме.

Мальчик лег, вытянул руки и ноги и не достал до краев настила. «Вполне можно спать. Неплохо кто-то придумал», — оценил мальчик, удивляясь при этом кто это сделал?

Спать мальчику не хотелось. Он встал и посмотрел на землю.

...Солнечная зеленая лужайка под деревом оказалась далеко внизу. Неужели он так высоко забрался?

Он начал осторожно спускаться. Насчитав девять зарубок, почувствовал под ногами землю. «Совсем близко», — решил он и с какой-то лихостью снова залез на доски.

Было очень удобно сидеть на кипе сена. Покачивало, как на лодке, когда вместе с Васяткой плавали на рыбалку. Конечно, здесь не волны, но все равно было хорошо, а может быть, лучше, чем на реке. Потому что можно представить себя где хочешь. Запросто.

Мальчик посмотрел на часы, было 10 часов, 19 минут. Он решил подождать до 20 минут ровно, а потом начать свое восхождение.

Неожиданно он услышал голоса и через листья заметил прыгающие пятна чего-то желтого и синего. Кому принадлежат эти мелькающие цветные кусочки — резглядеть не удавалось, мешали ветки и листья.

Голоса приближались.

Через несколько секунд мальчик понял, что идут сюда. Мужчина и женщина.

На всякий случай мальчик поднялся выше и уселся на ветку. Это он сделал не от испуга, нет, а на тот случай, чтобы его не заметили и не прогнали домой, не спрашивая ни о чем. Насилия мальчик не любил.

Незнакомые мужчина и женщина остановились у дерева. Рассмотреть их через листву не удавалось, но разговор слышался отчетливо.

Говорили они о разных пустяках и часто смеялись. Особенно мужчина, и мальчику показалось, что он во всем поддакивает женщине. Она даже спросила его: «Что ты такой веселый сегодня? Или у парней принято смеяться над всем, чего сами не умеют?»

— Умеем, умеем... Мы все умеем,— ответил сквозь смех мужчина.— Очень уж хорошо сегодня. День какой-то особенный... Я забыл о таких днях...

— Вспоминай почаще и не забудешь...

— Правильно, Люба. Учту ошибку.

Женщину по имени Люба мальчик не знал. «Наверное, из соседней деревни, дачники,— подумал он.— Ишь, куда забрались».

Потом он услышал Любин голос: «Ладно, пойдем назад. Ничего тут интересного, время зря теряем... Поле да дерево. Здесь раньше горох высевали».

— Подожди, подожди...— сказал мужчина.— Сейчас такое покажу, ахнешь.

— Правда?— удивилась Люба.— Тогда покажи, если хочешь...

— Полезли наверх,— сказал он.— Да не бойся, тут ступеньки есть, кто-то вырубил. Подожди, я первый...

— Ой, нога скользит...

— За мою руку держись... Вот так.

Мальчик осторожно перебрался еще на одну ветвь, чуть повыше. Конечно, стало хуже слышно, зато он был в большей безопасности и недосягаемости.

— Крепче держись!— сказал мужчина.— Все, приехали.

— Что это?— послышался удивленный возглас Любы.— А? Ничего не понимаю. Кто это сделал?

— Инженерное сооружение! Я сам случайно обнаружил, до армии этого и в помине не было. Я бы знал...

Люба рассмеялась.

— Да-а... прямо по методике сделано. Лежбище, да и только.

— Ага, хитро задумано. И с земли ни капельки не видно. Нипочем не догадаешься...

— Уж не с твоей ли помощью?— весело спросила Люба.

— Честное слово, я даже не знал. Смотри, скобы успели заржаветь. Значит, давно...

— Это еще что?! — возмущенно сказала Люба. — Ну-ка брысь со своими ручками! Инженерное сооружение... — передразнила она мужчину. — Архитектор какой нашелся! До чего ж вы все одинаковы... мужички.

— А может, это наблюдательный пункт у пацанов? — виновато спросил мужчина. — Для военной игры, например?

— Знаем мы, для какой игры... Одна сторона победители, а вторая — потерпевшая...

— Ну зачем так...

— А что не правда, Васечка?

«Интересно... уж не Васятка ли здесь?» — услышав знакомое имя, подумал мальчик. — Вот куда он каждый вечер на автобусе ездит.»

Мальчик стал внимательно высматривать через колеблющуюся листву неожиданных гостей. На какое-то мгновение открылся крохотный просвет в плотной зелени листьев, и мальчик убедился, что там внизу действительно Васятка, его родной брат!

Девушку мальчик видел впервые. Она сидела в желтой кофточке, поджав ноги в джинсах к подбородку и смотрела на Васятку. Брат стоял в тельняшке — высокий и большой по сравнению с маленькой Любой. «Вот оно что! Васятка уже начал прикидываться совсем взрослым и гулять с незнакомыми! — обиделся мальчик. — Еще не отслужил свое, а гуляет», вспомнил он чьи-то взрослые слова.

И мальчик решил обязательно все рассказать бабушке, пусть она сама с Васькой поговорит. «Тоже мне, взрослый какой стал, к кому он тогда в отпуск приехал? Ждали его, ждали... Пусть бы лучше гулял вместе с Пашкой, если вместе они приехали на побывку... И вообще, что за манера без дела шляться?» — разозлился мальчик, вспомнив бабушкины слова.

Он поудобнее устроился на ветке и приготовился слушать дальше, чтобы все запомнить.

III

Пока мальчик осваивался на своей ветке, он пропустил часть слов из разговора, потому что Люба сказала вдруг непонятно и тихо: «Я не знаю, что сказать тебе, Вася... Это так неожиданно, такой серьезный шаг в жизни... Мне еще никто об этом не говорил».

— Верь мне, Люба... я правду говорю. С тех пор только о тебе и думаю, — тихо сказал Васятка. — Помнишь, еще в девятом классе мы заезжали к тебе в училище вместе с Пашкой? С моим другом?

— С рыжим таким?

— Ну. И ходили все вместе в городской парк, мороженое ели? У меня потом горло здорово болело, но уже здесь, дома, в поселке. Я так за тебя переживал, думал и ты заболела... Совсем не мог уснуть.

Люба негромко рассмеялась.

— Серьезно говорю. Я даже загадал. Пашку все время спрашивал.

— Зачем? — радостно спросила Люба.

— Если у него заболит, то и у тебя... Я так загадал. Но у него не болело, значит, у тебя тоже не должно болеть. Только после этого успокоился и стал спать.

— А у меня болело. Я вспомнила. Только не горло, а зуб. Целый день есть ничего не могла.

— Да? А я ничего не чувствовал... Почему так?

— Все равно спасибо тебе, Васечка... Как ты обрадовал меня.

— Чего там спасибо...

— Хороший ты... Знаешь, женщины радуются, если о них думают...

— А ты что, уже женщина?

«Во, умора! — беззвучно расхохотался мальчик. — А кто же она? Мальчик, что ли? Заняли мое место и говорят о всякой ерунде, время зря тратят! Все расскажу о тебе, Васька, бабушке и еще маме!»

— Тебе-то что? — резко ответила Люба. — Я никому не обещала и ничего не должна.

Мальчик еле-еле различил Васькины слова.

— Извини меня, Люба... Я сам не знаю... Ну подожди, подожди немного, не уходи. Мне скоро уезжать. Снова туда. Ты сама знаешь.

Стало тихо, потом Люба сказала негромким голосом.

— Я ни с кем не хожу, Вася. Правда. Как закончила педучилище, так все одна и одна. Приедешь, я тебя ждать буду... Ну не надо, не надо... Пусть все идет своим чередом...

— И я буду ждать. Клянусь, Люба. Скорее бы это кончилось.

Мальчик снова про себя развеселился.

— Ну не надо, не надо, миленький... Все будет потом и не здесь. Все у нас будет, не спеши...

— А вдруг меня там убьют? А, Люба?

«Это Ваську-то убьют? За что же его убивать? Вот смехуто... — веселился наверху мальчик. — Кому он, кроме нас, нужен,» — вспомнились бабушкины слова. А бабушка все знает, она самая взрослая.

— Ты что, Васенька? Ведь не война же? Об этом бы в газетах написали...

И внизу замолчали. Но не надолго.

Мальчик опять прислушался.

— Страшно там, Люба,— услышался Васяткин голос и что-то заставило мальчика поверить этим словам.— Страшно. Не хочу я туда,— продолжал брат.— Все чужие вокруг и ничего понять не могу.

— Потерпи еще, миленький, потерпи... Год остался всего. Все служат. Тем более вы вдвоем там с Пашкой. Вдвоем веселее.

— Мы в разных частях. Я в десанте, а он в охране. В отпуске случайно вместе, повезло. Мы там стреляем, Люба,— кое-как расслышал мальчик Васяткины слова.— Только никому не говори.

Мальчик почувствовал гордость за брата. «А нам ничего не сказал про этот секрет.— И мальчик задумался.— Зачем же он ей-то проговорился? Вовсе посторонней?»

— А ты остерегайся, Васенька. Берегись. Там скоро все закончится, вы же там временно... А потом вернетесь назад.

— Я поберегусь, Люба...

— Ты вернешься, и мы ссуду возьмем... Теперь молодым дают ссуду. Заботятся.

Что дают и кто, мальчик не понял и заскучал. Ноги у него давно занемели и хотелось пить.

«Расселись,— рассерженно подумал мальчик.— Дела нет, что ли? Сидят одни только бездельники»,— опять вспомнились мальчику бабушкины слова.

— Обязательно возьмем, ссуда здорово пригодится,— сказал Вася.— Ты только...

— Не волнуйся, миленький, все будет хорошо. Поверь мне...

Внизу опять замолчали.

— Знаешь, Люба,— услышал мальчик повеселевший, громкий голос брата,— сколько живу, все хотел залезть на это дерево. Оно всегда было большим...

Мальчику вдруг стало стыдно от того, что он подслушивает чужие тайны и страшно, что его сейчас обнаружат.

От волнения мальчик плотнее прижался к дереву и замер.

— С самого детства хотел,— говорил брат.— И все что-то мешало... или духу не хватало. Давай, Люба, я сейчас попробую, на прощанье? А то пропадет охотка, да и времени потом может не быть.

«Ну вот, все! сейчас найдет меня!»— испуганно подумал мальчик.

— Что ты! Какое еще дерево!— услышал он Любин голос.— Мне в районо надо успеть за учебниками. Разве ты забыл?

— Конечно, помню. Только я хотел...

— Нет, Васенька, времени на пустяки. Ты же не мальчик.
— Согласен, Любаш. Давай спускаться...
— Чур, я теперь первая... Ты уж не обижайся, Васечка...

IV

Когда Вася с Любой ступили на землю, мальчик обрадованно вздохнул. Чего только не наслушался, сколько времени даром прошло...

Он посмотрел на циферблат часов, прошло целых 26 минут. 26 бесполезных минут.

Сразу спускаться вслед за братом он все же поостерегся. А что бы не терять больше времени зря в своей жизни, мальчик решил, не откладывая, слазить на вершину.

Что и было им сделано за 2 минуты, 17 секунд.

С высоты он различил в клеверном поле два блуждающих цветных пятнышка — желтый и синий. Иногда они сливались вместе и тогда казалось, что ничего вокруг не было, кроме синего неба да неоглядного зеленого поля.

V

Можете мне поверить, мальчик, придя домой, ничего никому не сказал.

Любу он больше не встречал.

Через несколько дней Василий вместе с рыжим Пашкой уехали обратно в армию. На прощанье им желали хорошо дослужить и крепко жали руки.

Грустные проводы длились ровно 34 минуты, — за это мальчик мог ручаться.

А еще через несколько недель, ближе к сентябрю, в дом пришла похоронка на Васятку.

VI

На похоронах мальчик увидел много ему незнакомых людей и среди них девушку Любу.

Оказалось, что Люба — новенькая учительница в начальных классах и он совершенно случайным образом, записан именно к ней в первый класс.

В день похорон мальчик впервые забыл часы дома и даже не вспомнил о них.

VII

Никто никуда не спешил. Совсем невзначай мальчик вспомнил бабушкины рассуждения о времени и впервые в своей жизни усомнился в ее словах.

Мальчику показалось, что время — не самое главное и есть что-то такое, что важнее его.

Время в тот день не играло никакой роли.

НЕТ ОСТАНОВКИ В ПУТИ

Куприянов не сомневался, что до районного центра дороги оставалось еще часа на три и быстрее ему никак не добраться до дому. А время подходило к полуночи, так что поторопиться не мешало, если к утру он хотел быть на месте.

Иного выбора, впрочем, не существовало: Куприянов знал, что на десять утра была назначена операция председателю райпотребсоюза и в случае ее отмены могла возникнуть неприятнейшая ситуация, которая неизвестно чем бы закончилась и кому впоследствии было бы хуже — председателю с его запущенной грыжей или ему, хирургу Куприянову.

Дело в том, что главврач районной больницы Болотов никаких опозданий не терпел и извинений не принимал, в чем Куприянов успел однажды убедиться. Тем более данный случай был особенный. Больной председатель обещал подумать о приобретении зарубежного хирургического инструмента, так что районной больнице была большая выгода от своевременно проведенной операции.

И все же Куприянов остановил машину, выпрошенную на воскресенье у Болотова. Доставая сигареты и спички, он подумал что неплохо где-то переждать ночь, а с рассветом по холодку отправиться дальше. На работу можно успеть, но и в случае опоздания попробует отговориться и свалить вину на старенький больничный «газик». Ни для кого не секрет, новые машины редко списывают, а этот как раз не был тем приятным исключением.

Куприянов вышел из машины и, решая, что ему предпринять, задумался.

День окончательно надломился, наступила июньская ночь. Что толку описывать эту короткую паузу в беглом круговороте явлений? Июньская ночь, известно, не длиннее слабого вздоха и самое удивительное, от нее ровным счетом нечего ожидать. Она не опасна, нейтральна и робка... незаметна, как

серый цвет на живописном натюрморте природы. Одним словом, такая ночь — не творец.

Примерно так размышлял Куприянов, докуривая перед машиной сигарету и глядя на рассеянный отсвет недалекого солнца за горизонтом.

Внезапно темный круг вспыхнул перед глазами, и жуткое беспокойство охватило его.словно стоит он один-одинешенек посреди огромной и плоской равнины, стоит в беспомощном ожидании страшного и переломного мига, за которым бездна и пустота.

До боли сжались веки. Черный купол неба вдруг приподнялся, рыкнуло, и ослепительно алый огонь вспыхнул между кромками сферы и земли. Куприянов чуть не закричал от страха. И очнулся.

Сухо потрескивали зарницы на небе.

Сон это был или не сон, но, наблюдая в то время за происходящим, Куприянов пытался убедить себя, что такого ужасного мгновенья не может быть, так как страшного для него быть не может вообще. Ибо он — не подсуден. За ним нет вины.

Но тогда откуда появилось это внезапное чувство тревоги и страха? Откуда это беспокойство, саднящее душу, словно виноват, заранее виноват и виновен. И нет никакого спасения от предчувствия беды. Неужели заложено в нем самом изначально, самой природой?

Он отшвырнул сигарету и сел за руль. «Чертовщина какая-то, психопатические симптомы... Вот тебе и здоровая молодежь, строитель будущего», — подумал Куприянов, окончательно приходя в себя и укоряя, что напрасно задержался до поздна у Зиновки Полежаевой, бывшей сокурсницы, а теперь хирурге в соседнем районе.

...Милая «яблочная» Зиновка. Так ее звали в институте из-за собственного дома с плодовым садом на окраине города. Куприянов только сейчас понял, что она, оказывается, не столь безразлична к нему и ждет вполне определенного шага, на который он никак не решался. «Наивная душа... кому все это надо? Ни мне и ни ей... Жить как на привязи. Районный быт засосет, как черная дыра, всего и навечно... А в жизнь надо внедряться, не с нуля начинать», — раздраженно думал Куприянов о ее простоте.

Зиновка предлагала ему остаться до утра и в шутку пугала нечистой силой, которая бродит ночами по дорогам... Куприянов небрежно махнул рукой, — мол, ничего, успеет до темноты, останавливаться он нигде не намерен. Ему необходимо спешить, завтра — плановая операция, грыжа у председателя.

Он не обманывал Зиновку. Все было именно так. Но отношения рушились, и он это чувствовал.

— Прошлого не вернешь, об остальном не знаешь, — насмешливо сказала Зиночка, глядя ему в глаза. — Как же тогда?

Она снова повторила любимую поговорку Куприянова.

— Зачем ты так? — и он обнял ее за плечи. — Не надо усложнять.

Она не попыталась освободиться от его рук, но и осталась спокойной, безучастной к его ласке.

— Ты пойми, ведь здоровенная грыжа, Зинусь... Серьезное дело. И если не останавливаться, непременно успею, — присел он к столу. — Лишь бы ничего не мешало.

Зиночка внимательно смотрела на него, и тут Куприянов подумал, что в его словах она ищет совсем иной смысл, а не тот, который он вкладывал в них.

— Я хочу сказать, необходимо спешить. Утром операция, — сказал он, оправдываясь и раздражаясь. — Наш главный всего боится... ну и меня, конечно, не пожалует при случае.

— Да... конечно. Каждый болен по-своему...

— При чем здесь болен?! Ответственность-то должна быть?

Зиночка восторженно захлопала в ладоши. Потом откинула со лба волосы и, прищурясь, посмотрела в окно.

— Солнце закатывается... и каждый раз по-разному. В мае забегало за райком, теперь приблизилось к церкви. Сквозь ее щели его долго будет видно...

— Все куда-то спешат. Даже солнце, — пошутил Куприянов, пытаясь отвлечь Зиночку от грустных мыслей.

— А я не спешу. Наверно, глупо в двадцать шесть... Живу, как в детстве, сама по себе. Жду чего-то.

— Ждать, Зинусь, — это женский удел. Так сказать, жизненная привилегия.

Куприянов встал из-за стола, вода в стеклянной вазе с цветами розово колыхнулась.

— Пора. Нагряну в воскресенье, если не будет дежурства, — пообещал он. — Хорошо, Зинусь?

Зиночка подошла к окну.

— Вечер утомил, очень все тихо... Сенокосная пора.

Она навалилась грудью на подоконник.

— Не будет меня дома, — спокойно сказала она. — Работы много, концерты по району... Знаешь, нас хорошо принимают, — оживилась она. — Право, даже не верится в такую искренность.

Зиночка играла на флейте еще в институтском ансамбле, и Куприянов об этом прекрасно помнил — в институтском комитете комсомола он отвечал за культурный сектор.

— Выберу, когда будешь дома, — уже от двери сказал он, задетый ее тоном.

Она пожала плечами и повернулась от окна, но смотрела мимо Куприянова, словно не замечала.

— Я уезжаю,— расчетливо напомнил он и... задержался у двери.

— Счастливо.

Зиночка не сделала и шага ему навстречу.

Он и тогда не сомневался, что вряд ли успеет доехать за-светло, но пребывание у Зиночки, по его мнению, могло обернуться дорожкой. И Куприянов, несмотря на опасение быть застигнутым ночью в пути, решительно вышел. Отчего же так нехорошо на душе? — думал он, садясь за руль.

Настроение было вконец испорчено.

Дело еще в том, что Куприянов не выносил ночных поездов, тем более один. У каждого свои странности. А впереди, перед тем как выехать с проселочной дороги на бетонку, его ждало несколько глубоких логов, густо поросших кустарником и высоченным разлапистым ельником. Там — днем-то сумрачно и жутковато... Куприянов проезжал здесь поздней осенью вместе с Болотовым к травмированному трактористу и запомнил эти места.

Где, как не в таких урочищах, скапливается темнота в светлые летние ночи? Чертовы места, да и только.

Двигаться дальше не хотелось. Куприянов стал вспоминать знакомых в деревнях, которые могли бы приютить на ночь, но ничего не приходило на ум. Близких знакомств не было.

Однако делать было нечего, оставалось возвращаться назад, в ближайшую деревушку со странным названием Ашап. Там просить незнакомых хозяев, глядишь, не откажут в ночлеге.

Ашап... Ашап... Что-то знакомое почудилось в этом татарском названии, когда-то услышанное слово стало настойчиво вырываться из памяти. Куприянов старался припомнить... И вспомнил.

В прошлом году, после окончания медицинского института, он по распределению попал в районную больницу на север области. По правде говоря, не бог весть какая дыра, по крайней мере, не так далеко от железной дороги, но и не райский уголок. Его неплохо приняли в больнице, устроили на квартиру, дали время осмотреться и через несколько дней стали потихоньку «запрягать», вводить в курс дела. Вот тогда-то главврач Болотов передал ему адреса, среди которых упоминался, кажется, и Ашап.

Что-то Болотов рассказывал о людях, говорил о Цеймане, предшественнике Куприянова... Помнится, Куприянов тогда чуть не задал вопрос, а что вдруг понадобилось старому еврею в уральской тайге? Разве нет более теплых и обжитых мест?..

Куприянов достал из кармана записную книжку и, полистав, нашел адреса. Их было три, записанных мелким четким почерком. Под ними очень аккуратно — «по возможности заезжать».

Болотов просил время от времени навещать по этим адресам, упоминал о долге, каких-то обязанностях, просьбе Цеймана. Вспоминалось с трудом.

Куприянов снова перечитал адреса.

«...Деревня Ашап, подсобное хозяйство от ремонтного завода. Васильев Алексей Степанович». А внизу: «По возможности заезжать».

Может, это и есть та возможность, о которой упоминал Болотов? Тогда отчего бы и не навестить, а заодно и выяснить, что имели в виду старый Цейман и Болотов.

Дорога уже потемнела, стало прохладнее. Куприянов застегнул рубашку, потом закурил и, умело развернув машину, поехал назад.

Машина обогнала припадающего на короткую палку мальчугана, шагавшего по обочине, промчалась мимо высокого пня, корни которого встряхнули колеса, по одну сторону дороги бежали столбы, впереди темнел лесок... За ним, как думалось Куприянову, должны показаться деревенские огоньки.

Вспомнив историю с адресами, Куприянов сразу забыл о ней. Разговор с Болотовым тоже выпал из памяти, а Цейман вообще значил для него не больше, чем просто бывший коллега, освободивший служебное место в связи со смертью от астматического удушья. Когда Куприянов приехал по распределению, Цеймана уже не было в живых и рассказать о нем никто не удосужился. Одно и слышал Куприянов от больничной нянечки, что в последний год свой Цейман часто приглашал всех к себе в гости... чаю, мол, надо всем вместе попить и поговорить. Можно, конечно, и чаю вместе попить. Была бы охота...

Недоезжая до леса, Куприянов вдруг притормозил, а следом и вовсе остановил машину и, приоткрыв дверцу, смотрел с пристальным вниманием назад.

Вскоре он уже различал в ночных сумерках белое пятно рубахи, которое плыло, покачиваясь, на фоне темного клеверного поля, потом отчетливо заметил и самого паренька лет четырнадцати, худощавого, мосластого, со свисавшей на лоб черной челкой.

Мальчуган ступил на тропу в клеверном поле, но оклик Куприянова остановил его.

— Что с ногой, приятель?

Паренек недоуменно уставился на него и, пренебрежительно махнув рукой, прихрамывая, зашагал дальше.

Какие соображения заставили Куприянова остановиться и затеять разговор с пареньком, он в ту минуту не знал, но отступать было не в его правилах. Он вышел из машины и крупными шагами нагнал мальчугана.

— Ну-ка, что у тебя с ногой? Покажи,— схватил он его за плечо.

— Чего пристал? — рассердился паренек и, отдернув плечо, отступил на шаг.— Не спрашивают, так не спрядывай!

— Чего, чего...— протянул Куприянов, уверенный в своей силе и правоте.— Лошадь спрядывает, а я тебе старший товарищ... можно сказать, друг,— насмешливо смотрел он в лицо парнишке.

— Я не пугаюсь... ты в райцентре врачом. Прошлой осенью мне аппендицит вырезал. У тебя шрам на лбу был.

Куприянов рассмеялся.

— Шрам и сейчас есть... Какой наблюдательный,— он откинул волосы и нащупал пальцем рубец.

— Где ж тебя так? — ехидно спросил парнишка, наваливаясь всем телом на палку.

— Дверь в темноте не разглядел,— подмигнул ему Куприянов.— Слишком быстро все открывают двери... спешат. А строят другие.

На деле было не так, но Куприянову не хотелось говорить напрямую первому встречному. Все произошло в самый первый приезд к Зиночке, под ноябрьские праздники. К тому времени она уже работала в больнице, и кое-кто из местных имел на нее виды. Не вступи он тогда в драку с парнями, он, пожалуй, перестал бы встречаться с ней.

— Особенно поторопился тот, ушастый... санитар,— подковырнул Куприянова парнишка.— Это он тебя кольцом вдавил...

— Каким кольцом? — удивился Куприянов.

— У него на правой руке кольцо было с печатью. Поди не помнишь? — хитро смотрел на него парнишка.— После драки он быстро смотался, думал, убил...

— Ну-у, ты даешь... все знаешь. Никуда не скроешься,— покачал головой Куприянов, замечая про себя, что начинает относиться к собеседнику на равных и, чтобы не выдать этого, снисходительно улыбнулся и потрепал его по плечу.

Мальчуган довольно улыбнулся.

— А что тут такого, мы районные. Все на виду.

— Разве у каждого своей жизни нет? Так что у тебя с ногой? — строго спросил Куприянов.— Впрочем, я не настаиваю, как знаешь.

Паренек сел на землю и снял резиновый сапог.

— Пропорол на машинном дворе. Посылали в соседний колхоз за косилкой, там и проткнул...

Пятка начинала нарываться, и Куприянов подумал, что из-за такого пустяка не стоило бы терять время.

— Домой приедешь, промой хорошенько в марганцовке и подорожник приложи. Не пройдет, милости прошу в больницу ко мне.

Он торопливо посмотрел на часы.

— Тебе не попути? А то подвезу.

— Мне рядом,— вставая, сказал парнишка.— В Ашап.

— Да ну?— обрадовался Куприянов.— И мне туда. А пятку завтра я сам посмотрю. Ничего с ней до завтра не случится. Утром встану пораньше и посмотрю...

— Как хочешь... Васильев все-равно не отпустит в больницу, завтра косить начнем.

— Изверг он, что ли, твой Васильев?

— Не-е... он и сам бы не пошел по таким пустякам. Обязательный мужик.

— Какой, какой?— расхохотался Куприянов.

Паренек даже обиделся.

— Какой-никакой... Нам такой и нужен. Ты зачем к нам?

— Просили заехать... по возможности,— не стал углубляться в разговор Куприянов.

— Тогда поехали. А то заждались, поди, мои карапеты...

— Старики? Им это положено... а наше дело молодое, о себе надо думать.

— Братья это мои, пацанята. Чувствительные они у меня.

Паренек отвел челку со лба и посмотрел на небо.

— Дождя бы не было...

К концу дороги настроение у Куприянова приподнялось, он совсем повеселел и тоненько засвистел бодренький опереточный марш. С пареньком он достаточно познакомился и был уверен, что в любом случае не останется ночевать на улице, но сразу заговорить о ночлеге посчитал преждевременным. Сам Гриша, так звали паренька, разговор об этом не затевал.

Ворота в подсобное были закрыты, пришлось выходить из машины. Сбитые из длинных, тонких березовых жердей, они были видны Куприянову издали. Рядом с ними чернела огромным пятном черемуха, за ней виднелись крыши нескольких домов на фоне неба. На самом ближайшем потрескивала вертушка, ветру едва хватало силы, что бы заставить крутить ее легкие крылья...

Было слышно, как перекачивается по камушкам родниковая вода,— Куприянов останавливался на этом месте, когда проезжал через Ашап и заливал воду в радиатор.

Григорий запер за собой ворота, указал на дом Васильева.

— А то пойдем к нам, место всегда найдем,— сказал он при этом.

— Имею в виду, Гриша,— отозвался Куприянов, но торопиться с окончательным ответом не стал.

К его удивлению Гриша направился к дому Васильева. На стук паренька из крайнего окна выглянула старая женщина, повязанная белым платком. Слышный Куприянову разговор о какой-то косилке мало трогал его, он с нетерпением ждал завершения. Наконец, Григорий отошел, на прощанье неловко махнул Куприянову и как-то сразу пропал, словно его и не было.

— Здравствуйте,— нарушил молчание Куприянов.

Женщина тоже поздоровалась, взглядываясь в незнакомого человека.

— Я из районной больницы. Врач. Куприянов моя фамилия. А как вас звать-величать? — шутливо спросил Куприянов.

— Весь век Ефросиньей звали. Вы проходите в дом,— позвала она.

Куприянов вошел в дом, еще раз поздоровался в пустой комнате.

— Да вы присаживайтесь к столу,— отодвигая в сторону стопку газет и деревянные счеты,— сказала она.— А я только-только думала о враче, муж у меня что-то приболел. И вы едете, неожиданно так.

— А-а... — улыбнулся Куприянов.— Явление телепатии. Передача мыслей на расстояние...

— Разве может такое? — удивилась Ефросинья.

— Как видите. Я принял ваш сигнал. Вы, так сказать, выступили в роли индуктора... Так что это возможно, по крайней мере, прослеживаются закономерности.

В институте, правда, особых лекций по этому вопросу не читалось, но ему посчастливилось приобрести книжку одного ленинградского профессора по вопросам телепатии и с того времени мысль о том, что он имеет отношение к этой загадочной проблеме, приятно волновала его.

Он мельком окинул взглядом комнату, не задерживаясь на каком-либо отдельном предмете, да, собственно, ничего примечательного вокруг и не было...

На широкой кровати, между печью и стеной, спал под красным одеялом человек. Дыхание нормальное, без хрипов,— отметил про себя Куприянов,— муж, наверное...

— А что с ним? — спросил Куприянов.

— Не знаю... У него и раньше живот болел, еще с финской, а сейчас совсем немоготу, язва, поди. Недавно только за-
снул.

— Вполне может быть. Мне в больнице главврач Болотов записку передал... Его просил мой предшественник Цейман.

— Для чего? — удивилась Ефросинья. Она помнила Цеймана, он не раз бывал у них, и о Болотове слышала, но просьба заезжать к ним была непонятна.

Куприянов развел руками.

— Не волен, не знаю... Видимо, личные отношения, — неуверенно сказал он. — Мало ли в жизни...

— Мы гостям рады, только странно... А на операцию не ляжет, Цейман сам ему говорил...

— Боится, что ли? — усмехнулся Куприянов. — Теперь это быстро, раз-раз... и готово.

Ей не понравилось его ухарство, и, чтобы замять разговор, она согласилась.

— Может и боится. Вы сами с ним поговорите. Глядишь, послушает вас.

— Ладно, поговорю. Обязательно. А с чего у него? Воздух у вас свежий, природа вокруг. Видно, не очень следил за режимом?

Ефросинья не ответила, — что скажешь? За режимом следить не приходилось. Не удавалось. А воздух, действительно, всю жизнь был свежий.

— А как уберечься, мил человек? Столько всего за жизнь-то нашу... Одна война чего стоила...

— Все равно самодисциплина нужна... ограничения. В разумных пределах, конечно.

«Ну что тут советовать, того нельзя, этого... Взбрело же в голову Цеймана оставить записку — заезжать по возможности. Уж не чай ли он приглашал с ними пить? Действительно, каждый чем-нибудь болен... Морочил, Цейман, себе голову и другим. А Болотов хорош, взял да спихнул мне адресочки, тоже мне, наставник...»

Куприянов продолжал спрашивать, неохотно и вяло, — завалиться бы спать, не думать ни о чем...

— Да-а...

Ефросинья встала, задернула штору.

— Вы, может, молочка выпьете? Из погреба, холодное...

— Спасибо, с удовольствием.

— Я сейчас. И медку принесу.

— Нет-нет. Спасибо.

— А что? Не любите.

— Ночь, свежо. Простыть можно.

Хозяйка скоро вернулась. Поставила запотевшую банку молока на стол, нарезала хлеб и отошла. Скрипнул от тяже-

сти ее тела венский стул у печи, Куприянов искоса взглянул на Ефросинью.

Она, казалось, сразу задремала, едва опустившись на стул и прислонясь головой к печи, но неловкое движение Куприянова (он неосторожно потянулся за хлебом и задел за косяшки счетов) тотчас встревожило ее, и Ефросинья испуганно уставилась на гостя.

— Из банки можно? — спросил Куприянов, досадуя на свою неловкость.

— Ой, кружку-то... — забеспокоилась Ефросинья. — Вот старая-то, милый...

Куприянов рассеянно улыбнулся и принялся есть.

— А сейчас издалека? — спросила Ефросинья.

— Из соседнего района. Приятель там у меня, давно не виделись, — соврал он.

Старуха с любопытством взглянула на него, помучилась было вопросом, да и спросила.

— Болтают, будто вы с Полежаевой Зинаидой, врачихой ихней, дружите... А хорошая девка, работная, бабы рассказывают. Все по деревням ездит, ребятишек проверяет...

— Учились вместе... Однокурсники, — смутился Куприянов.

Сон неожиданно завладел им. Ефросинья старалась не мешать ему, прибирая со стола. Потом осторожно потрепала по плечу и, когда он открыл глаза, спросила.

— Отдохнете где, здесь?

Куприянов пытался сказать ясно и понятно, но Ефросинья скорее догадалась, чем разобрала его бормотанье.

— На сеновале... лучше... люблю.

Голова его совсем повалилась на стол, и он окончательно заснул. Откуда-то сбоку выплыло лицо Ефросиньи, сидела она у раскрытого окна и глядела прямо перед собой в пустую комнату. Что она видела в ней, хотел спросить Куприянов, что с таким напряженным вниманием рассматривает на бревенчатой стене? Неужели вот эти маленькие фотографии с желтыми лицами?!

Куприянов проследил за ее взглядом и ничего не обнаружил для себя интересного в тех карликовых любительских снимках, что прилепились один возле другого под стеклом в небольшой рамке из темного дерева... И тогда, глядя в мутные, старушечьи глаза, Куприянов решил, что она слепа, окончательно и безнадежно слепа, если не замечает рядом с невзрачными фотографиями молодую купальщицу на календаре, так похожую на Зиночку Полежаеву.

А сон кружит и кружит... И видится, что взлетаешь к самому небу, все выше и выше, а с высоты той замечаешь и деревушку со странным названием Ашап и дом, в котором добрая старуха угостила молоком, и тихую комнату с рас-

пахнутым окном в тихое поле. И так легко и спокойно тебе.

На утро Куприянов не помнил, как уложила его Ефросинья на кровать к Васильеву и прикрыла их общим одеялом, а сама, кряхтя и ворочаясь, пыталась примоститься на узкой деревянной лавке у окна, да так и не смогла.

И всю недолгую летнюю, светлую ночь просидела она, уронив голову в руки, жадно вспоминая своих сыновей с маленьких пожелтелых фотографий и не заметила, как наступило утро и солнце через распахнутое окно высветило лица спящих мужчин — ее мужа и ночного гостя.

Васильев уже дошагивал до дальних покосов, вслед за Гришкиной косилкой, когда Ефросинья разбудила Куприянова. Он не особенно огорчился, что не повидал хозяина, — помочь в настоящий момент он был не в силах, а говорить просто так и времени не оставалось, да и не о чем.

Причесывая после умывания мокрые волосы, Куприянов подошел к фотографиям в коричневой раме, но рассматривать их не стал ввиду близкого соседства привлекательной купальщицы. Картина окончательно взбодрила Куприянова, он потуже затянул ремень и собрался попрощаться с хозяйкой.

Ефросинья пригласила его поест молока с хлебом. Он не отказался и, садясь за стол, невольно подумал, а все же зачем понадобилось оставлять Цейману адреса?

Молоко было парным, хлеб свежим. Тело, немного озябшее от утреннего холодка, разогрелось от движения и пищи. Можно было ехать.

Куприянов посмотрел на часы — шесть минут седьмого. До райцентра дороги часа на три. Это не много, если светит солнце, а тело не чувствует усталости.

Он распрощался, сел в машину. Трое темноглазых мальчуганов стояли неподалеку, молча надеясь, что их прокатят.

Прислушиваясь к первым, неуверенным оборотам мотора, Куприянов заметил среди них мальчишку, похожего лицом на ночного попутчика. «Гришкин братец, наверное. Карапет...» — вспомнил он. И неизвестно отчего улыбнулся и подмигнул мальчугану. Тот неожиданно смутился и спрятался за спину товарища. Это окончательно развеселило Куприянова.

— А ну, карапеты, расступись!

И Куприянов посигналил.

Березовые ворота были открыты, он выехал за них, — кругом расстился и мелькал по сторонам машины сверкающий под солнцем живой, безопасный мир полей и лесов... Вчераш-

нее жуткое видение даже не вспоминалось, словно его и не было.

«Ну и чудака, этот Болотов,— думал Куприянов.— Что он хотел сказать мне этими адресами? Больной человек сам найдет врача, чего уж тут — заезжать по возможности... А Цейман от старости психастеником стал, с возрастом психика разбалтывается, не даром всех приглашал к себе в гости домой... До сих пор в больнице нет-нет да вспомнят его причуды. Он, может, думал, что и другие рады, как он гостям, вот и оставил адресочки. А Болотов, как мальчик, клюнул... Чуждак, право. Былого не вернешь, об остальном не знаешь. И никакие чаи с разговорами не помогут. Ни-ка-ки-е... Вот так-то, Зинусь...».

Он ни разу не оглянулся,—Куприянов знал, за рулем нельзя отвлекаться.

1962 г.

УТРО БОЛЬШОГО ДОМА

«...И вот появился кто-то, ну даже, положим, я, Кукушкин Троха, задетый жизнью человек, недотепа, как называют меня в деревне... А то я не знаю. И вот появился я внезапно, случайно в этой жизни. А как еще иначе? А жизнь шла сама по себе, то есть без меня. Положим и никак, ни в самую малость от человека-то нового и не зависела, да и не предполагалось этой зависимости, да и к чему бы это ей вообще зависеть от кого-либо?.. Так-то оно так... не зависела, а ведь, пожалуй, потом начнет зависеть... А то как же, ведь он, новый человек, пожалуй, начнет вмешиваться либо мешать жизни, что скорее всего... То есть волнение неизбежно пойдет, так? А раз так, то появятся и изменения, жизни-то придется приспособливаться к нему. И порой эти изменения непредсказуемы, и порой не в лучшую сторону. И зачем все это?.. Для чего? Не-е-ет, мне, как сельскому жителю, человеку российской глубинки, не понять ни в жизнь... И то сказать, даже Петр Семенович, сам археолог и с большим партийным стажем, не очень все это объясняет. А ведь заслушаешься, но понятно — не совсем... Весь мир — большие раскопки.. да, а как он дальше-то говорит... Археология — это ступеньки в прошлое, откуда просматривается будущее... Это, конечно, ясно со стороны... По эпохам, по разделам истории. А вот как глобально-то? Жизнь и человек? И что б они вместе и без волнения да беспокойства... А то ведь как это надоело... Нынче надо поспросать Семеныча, опять, поди, приедет на раскопки со студентами...»

Вот так, почитай, каждое утро не спалось жителю «российской глубинки» Трофиму Кукушкину, какие-то отрешенные мысли являлись в голове. И уже не первый год, а как только начинается самая первая капель в марте, черт-те что лезет в голову.

И все потому, что эгоистично смотрит и выгоду свою ловит

леший сухопалый,— говорит Козлова Дашка, их соседка и товарка Анны, жены Кукушкина Трофима. Обе они работают доярками. А вот в чем она — его выгода?..

...Высоко в небе летел самолет. Земли оттуда не было видно, ее закрывали облака. Невидимой пылью мелькали внизу города, пожиралась мощными моторами черная бездна, преодолевалось пространство союзных республик.

Трофим лежал, думал и представлял себя в летящем самолете. На нем он никогда не летал.

Когда снова стало тихо, Трофим поднялся с постели и пошел к окну. Только-только начинало светать. С окна поддувал мерзлый сквознячок. На подоконнике лежали папиросы. Трофим вытянул одну из холодной пачки и закурил.

Было видно, что тучи на горизонте понемногу расходились, обнажая полосу стылой зари, угадывались по контурам поросшие лесом далекие городища — древние пристанища людей, у окна было темно.

Самолет гудел каждое утро, видно, нельзя ему было облетать этот дом стороной. В положенный час он привычно давал о себе знать. Трофим встречал его по звуку и провожал, а потом вставал и подходил к окну на минутку взглянуть на небо и городища, если они бывали видны.

По утрам всегда казалось, что городища далеко и дойти до них почти невозможно, но днем они были рядом.

Вообще-то Анне сны не снятся. Нёкогда. Устает за день. А сегодня, этой ночью, вдруг приснилось, будто пуховый платок примеряет и так рада новому платку, что даже совестно поделиться своей радостью с Трофимом.

А деньги отдавать за платок — жалко. С тем и проснулась Анна, в общем-то радостным чувством. И платок померяла, и денег не отдала.

В короткий срок между сном и пробуждением был, собственно, еще один момент,— этот платок Анна все-таки купила старшей дочери и отвезла ей в город, заодно и с сыном старшим там повидалась...

Окончательно Анна проснулась от прикосновения мужниной руки. Лежа на кровати, она рассказала Трофиму про свой сон и вставать вроде не спешила, словно ждала какого-то продолжения со стороны мужа.

— Это, никак опять к подарку,— не понял ее женских чувств Трофим.— Прошлый раз, помнишь, приснился мне самовар, а тебя к женскому дню наградили... Вишь, даже написали на нем — за высокие удои на ферме...

Анна вздохнула... «Ну и недотепистые мужики пошли...» — подумала она.

Видно, пора вставать.

Они вместе прошли на кухню. За ночь тепло из нее заметно выдуло, и Трофим, натянув телогрейку, вышел за дровами.

Анна взяла с полки кусок детского мыла, фонарь, вынула из печи ведро с теплой водой,— надо доить корову.

В доме становится тихо. Так тихо, даже не верится, что спят ребятишки. Никто не шелохнется, не забормочет во сне.

Вернулся Трофим. Осторожно скатил с правой руки дрова, поддерживая их левой... Присел на корточки и стал закладывать поленья в печь. Подсунул бересту. Поджег... Пальцы почувяли тепло, зашевелились, заиграли перед огоньком. Береста начала потрескивать, сворачиваться в тугой узел. Загудело!

Деревня вставала...

Редкие огоньки выстроились в цепочку. На одном конце деревни их чуть больше, и они кучнее — видно есть кому спешить в избах, на другом — так по одному и тянутся.

...С городищ, сквозь чащобу, огоньки не всегда и заметишь... Деревня как выросла в землю.

То видны огоньки, то нет... И уж кажется, что они не на одном месте, а словно тянет их невидимый буксир, и медленно уплывают они все дальше и дальше, скрываясь из вида...

И так до полного рассвета уплывают огоньки, пока не станут видны дома и деревня не покажется, как на ладони.

Нежданно звонко ударил молоточек будильника. Пять часов. Анна прижала черную кнопку, завела часы. Прислушалась... дети, кажется, спят...

— Нажарь картошки, отвари яиц... А то заладил одни макароны, Надюшка вон даже пожалилась...

— Можно и нажарить... может, и лучше,— соглашается Трофим.— Через неделю звали в школу на собрание... Петьке, говорят, грамоту вручат за учебу...

— Какой молодец! Надо, Троша, его чем-то порадовать... Шапка у него старая... Ой! Время-то...— глядя на часы, вдруг засуетилась она.— Малышня-то не кормлена. Не проснулись?..

— Проснулись, не проснулись... Голодными их не оставишь...

Конечно, Анне жаль будить своих близнецов в такой ранний час. Но пока вернется с утренней дойки, малыши наорутся к тому времени, чего доброго есть перестанут. Не приведи, господь... Ну вот, одного принесла...

— Волос чернеть начал...— говорит Трофим, заглядываясь на сына,— в тебя растет. У таких, рассказывают, жизнь легче... Он уж молчит, что и сам был похож в детстве на мать.

Малыш таращит глаза на яркую лампочку, переводит взгляд на лицо матери, начинает искать ртом сосок... Материнских рук он пока не чувствует — теплых, шершавых, с темными трещинками на ладонях...

— У Дарьи Козловой дочка тоже черненькой росла, а сейчас, гляди, какая белесая...

— Кто, Галка-то? В каком это месте белесая? — оживляется Трофим. — Волос у ней, как у нашего Петьки, темный... Неопределенный такой...

Но Анна и не собирается отвечать, так уютно улегся на ее руках малыш, что не хочется тревожить его ни движением, ни словом.

С печи выглянул заспанный, разбуженный разговором Петька.

— Чего тебе? — замечает Трофим сына. — Никак отоспался?

— Ма-а-м... Тетрадку Гальке Козловой занесешь? А? — сонно канючит Петька, не обращая внимания на отца. — Вечером еще просила...

— Да рано ведь... А сама Дарья, поди уж, на ферме. Не будить же Галину, пусть поспит...

— Сам отнесешь, — проявляет строгость Трофим и на том успокаивается.

...И снова падает Петькина голова на мягкую лежанку. Свернется Петька калачиком — тепло, хорошо на печи. В школу ему с девяти, задали мало, уроки он с вечера сделал... Можно и поспать.

А что только во сне не увидишь? Все, что хочешь... Только там можно так близко подойти к картингу, который сделали ребята из девятого «Б», так близко, что до руля можно дотянуться... А если никого нет рядом, то попробовать и сесть. Нажать вон на ту блестящую кнопку, как у будильника, схватиться за руль... и картинг быстро помчит по гравийной дорожке мимо школы, двух берез, что растут у самых мастерских, а по сторонам будут стоять ребята из девятого «Б» и восторженно смотреть на Петьку.

Вот это да!.. Известный всему миру Петька Кукушкин, автогонщик и отличник в третьем классе, стартует на побитие рекорда!

И хотя мотор от картинга уже давно лежит в мастерской и шасси с самой осени стоят в учительской, для Петьки это не имеет никакого значения.

Картинг мчит все дальше и дальше, быстрее и быстрее!

Вот промелькнули дома деревни, захлестали по колесам травы..., солнце стало ярче и ближе, даже глядеть больно.

Где-то там, еще выше, самолет, но до него Петька не успевает добраться... Картинг рассыпается в воздухе, над Петькой хлопает парашют и медленно опускает его на землю...

Со всех сторон к нему бегут люди, поднимают, качают...

За что его так!? Ничего Петька понять не может...

А потом замечает — на нем ярко-красный комбинезон кос-

монавта, на голове шлем с гордыми буквами — СССР... Космонавт!

Петька не может поверить... Это надо же... Космонавт...

И еще долго лежит с открытыми глазами Петька, занятый весь приятной мыслью о небе. Жарко ему от такой мечты...

...Слышит он, как чиркает спичкой отец, закуривая новую папиросу, как мать, уходя на работу, прикрывает тихо дверь, как потрескивают в печке дрова...

Вот Надя встала, его сестра. Что-то сказала отцу...

Петька почти проснулся.

От дома — неширока тропка... Такой она выходит к Дарьиной избе и дальше к ферме. Остальные доярки на другом конце деревни живут, ходят своей дорогой. Но и для них она тоже не шире.

А большая торная дорога стороной обходит деревню, однако упирается в ферму — по ней молоко в город возят... Председатель колхоза или начальство какое — большака не минуют. Без него никак нельзя.

Елово — так называется деревня. Оно и верно, вокруг леса, а в них и ельник и березник, — всего хватает. Березовка, деревня, тоже есть.

И чего вдруг вспомнилась Анне Березовка? Ну, жила она там с отцом, матерью, пока не вышла замуж... Редко потом приходилось бывать в родной деревне, хотя она рядом, — семь километров не много для здоровых ног... Родители умерли, а подруг как-то жизнь разметала... Никого почти и не осталось в Березовке.

Анна подошла к Дарьиному дому. Хотела зайти — света нет, знать, хозяйка совсем рано ушла.

Следующие три избы пустуют. Днем посмотреть, при ясном свете — ворота настежь, снега вровень с крыльцом. Как в поле, — метет и метет, даже страшно. И покупателей на них все нет и нет...

И какой-то легкий ознобец охватывает порой Анну... Как все-то начнут перебираться в чужие края... А мы-то как же?..

...Тропка свернула в сторону, к ферме. Она метрах в трехстах, и, если оттуда глянуть, душа обмирает от красоты...

Разноцветными сполохами играет под солнцем снежная пустыня, простроченная ровным рядком далеких изб, серым дымком стелется кустарник вдоль невидимой речки, а дальше — над белыми полями — древние городища...

Жаль, немного любителей на такую красоту...

Хотя, как сказать, — на расстоянии, может, она больше впечатляет.

Время шло.

Петька собирался в школу. Сестра тоже встала, но никуда не спешила — седьмой класс занимался во вторую смену, и Надя читала у окна книгу. Трофим сидел на лавке, покуривал. Маленькие еще спали.

В окно проглядывал забор. Еще несколько минут назад его не было видно, а сейчас черные колья ясным узором падали на снег, вдаль темнели городища, небо над ними совсем посветлело, еще немного — так и брызнет из-за зубчатой гряды солнце.

Петька схватил портфель и выбежал на улицу.

Он спешил за Галкой Козловой, он всегда забегал за ней. Потом они идут по дороге, доходят до фермы. Там, от фермы, тропинка отворачивает и идет в гущу леса.

Это они протоптали ее до школы. По ней не далеко. С осени ходят они с Галкой по своей тропинке, за ними увязались остальные ребята, и теперь это утоптанная, надежная дорожка, о которой помнят и взрослые, когда им надо идти на собрание, в магазин или еще по каким делам на центральную усадьбу.

Иногда, впрочем, дорожку заносит снегом, приходится ее заново протапывать, но по прежним следам это не так трудно. Зато до школы по ней совсем близко...

И как это никто не догадался проложить ее раньше? Куда люди смотрели?

У Петьки было очень хорошо на душе, когда он шел с Галкой в школу. Может от того, что сегодня не замело тропинку и идти будет совсем легко, или что все уроки он выучил..., сон такой приснился...

А дома Трофим, как только Петька ушел в школу, поднялся с лавки, подошел к дочери, но не спросил, что она читает, а поверх ее головы смотрел в окно на городища, перед которыми каждое утро вырастает забор, и подумал, что нынче летом он обязательно пойдет к археологам на раскопки.

Зимой Трофиму никак нельзя отлучаться из дому, надо же кому-то присматривать за детьми. Петька с Надей в школе, а близнят куда?.. Летом все проще, приедут из города на каникулы старшие дети Володя и Люба, они оба учатся в техническом училище, может, понынчатся с маленькими братцами...

Некоторые считают — ему надо идти работать, а не Анне. Он же был когда-то хорошим плотником. Но здесь расчет простой. Анна на ферме зарабатывает куда больше мужика на подсобных работах. И Трофиму с его больной рукой — сохнет проклятая! — нечего тягаться с Анной.

Скорее бы весна...

Бегают ребята по улице, и он выйдет за ворота, щурится от солнца, и прохладно вроде еще в легкой рубаше... а не уходит.

Солнце колоколом в небе... звон по всей улице... с крыш парит — хорошо до чего! И словно тянет тебя, манит куда-то и уйти нет сил, а так хочется...

И городища в эти минуты кажутся совсем близко.

Надя читала книгу, она не обращала внимания на отца, который стоял у окна, но глупая настороженность, когда он был рядом, никогда не покидала ее.

Отец мог подойти, закурить, положить руку на ее голову и словно чужой сказать — Надюха, Надюха...

Она никогда не просила его помощи, может только когда была совсем маленькой. А этого она не помнит. Да и чем он мог ей помочь, почти всегда молчащий, тихий человек с больной рукой... Недотепа.. так иногда его звали в деревне, Надя сама слышала.

А сейчас ей совсем было не до него — чужая, ласковая и счастливая жизнь захватила ее, и поэтому Надя не замечала отца, который смотрел куда-то вдаль и совсем не покуривал, а смотрел на свои городища и думал свое.

Ей было неизвестно, что у человека может быть такое, что не дает покоя душе и никак не отпускает, что голубое небо и далекая дорога совсем не у каждого стоят перед глазами... Она еще про это не знала.

...Малыши спали. Они не мешали Наде читать и отцу не мешали — не надо за ними смотреть. Анна была на работе. Петька ушел в школу. Письмо от старших детей из города получали на той неделе.

В доме было тихо.

Дом быстро наполнялся светом. Солнце поднималось выше. Веселее становилось на улице.

Все-таки была весна...

Стоял март, а март считается весенним месяцем, хотя он и первый после зимы.

ПРЕКРАСНОЕ ВРЕМЯ ОХОТЫ

Ехали на охоту.

Дорога топталась возле увалов и вроде бы обегала их, скользя от солнечной, восточной стороны на западную, но потом вновь прижималась к яркому крутому склону, затем опять кружила по теневой обрывистой стороне, по склону которого взбирался ельник, мрачно и нелюдимо закрывая полнеба... Высокие, редкие облака повисли над ним, ограничивая видимую часть безбрежного пространства и замыкая в единый круг прелестную красоту весеннего майского утра.

Голощеков, мужчина немолодой, с округлым лицом в синих рябинках, вел машину осторожно, зорко приискивая уверенную колею, без конца тормозил перед лужами, боясь под мутной водой ям и недовольно хмыкал при этом.

— Ты что-то сказал? — не отрывая взгляд от дороги, вдруг спросил он молодого своего попутчика Леонидова. — А?..

Тот сидел молча, крепко стиснув одной рукой скобу перед собой, что бы не навалиться случайно на Голощекова от неожиданного поворота машины, меж колен его стояли два зачехленных ружья, он прижимал их к животу, а сам восторженно-заинтересованным взглядом скользил по сторонам, словно выискивая кого.

Ружья на ямах больно впивались в грудь телогрейки, Леонидов откидывался глубже, но глаза при этом не теряли своего охотничьего азарта, жадного и настырного, присущего тем начинающим охотникам, которые впервые вышли с ружьем на дичь.

— Нет, ничего, — отвлекаясь, посмотрел он на Голощекова и, словно очнувшись после краткого приятного сна, потянулся всем телом. — Хорошо, Матвей Пахомыч! Просто чудо. Не хватает только красной девицы...

— Да где ж ее взять? — подделываясь под его тон, насмешливо спросил Голощеков.

— Это верно,— согласился Леонидов.— И помехой была бы сейчас... Пожалуй, верно?

— Для тебя, Василий, может быть, да... А мне? Какая она мне помеха в мои-то годы? Но черт его знает, как бы дело повернулось... Вдруг бы справился?

Они еще потешились словами, беспечною своей уравнивающие их возраст, потом Голощеков замолчал, но свободное чувство уединения не покидало долго обоих, и внутреннее спокойствие приятно наполняло их души.

...Леонидов был недавним знакомым Голощекова, но знакомым весьма существенным и необходимым по стечению обстоятельств, совсем не зависящих от Матвея Пахомыча. Дело в том, что Леонидов дружил с Варей, дочерью Голощекова, и узнал об этом Голощеков совсем недавно. Порой ему думалось, не было ли его знакомство слишком поздним, так как, по Вариным рассказам, ходила она с Василием уже полгода.

Конечно, Голощеков доверял самостоятельности дочери, но предусмотрительно решил держаться ближе к Леонидову, полагая, что узнать, а может быть, и близко сойтись с ним просто необходимо.

Работали они с Леонидовым на одном заводе, но в разных цехах, и проходные их выходили в разные стороны. Пришлось на первых порах изменить маршрут к дому Матвею Пахомычу, и он спешил после смены из кузнечного цеха за Василием в инструментальный. До трамвайной остановки успевали они поговорить о многом несущественном... У заводского общежития Василий выходил, и они прощались.

Дома у них Василий был не частым гостем, с Варей они встречались в других местах, о которых Матвей Пахомыч не знал, а спрашивать считал неудобным, побаиваясь обидеть молодых людей. Редкие посещения его дома Вариным женихом почти ничего не прибавляли в отношениях между ними. Все было просто... Вместе ужинали, просматривали телевизионные передачи, и Варя уходила,— на минутку, как говорила она,— вместе с Василием. В такие дни возвращалась она позже обычного, считая, очевидно, про себя, что это с разрешения и согласия родителей.

Женино спокойствие в таких случаях порой раздражало Матвея Пахомыча. Причем он стал замечать, что жена как-то незаметно для всех свылась с Вариным женихом, открыто принимая его за будущего родственника. А для Голощекова Василий был пока не понятен, не привычен или, как Матвей Пахомыч выражался, все еще находился для него в форме «черной заготовки». А вот что из нее кузнец выкует,— еще неизвестно...

В отместку жене Голощеков подарил на день рождения Василию свое старое ружье, тулку довоенного образца со всей

амуницией и соблазнил прежним своим увлечением — охотой. Решено было ехать на майские праздники, — и ехать безотлагательно.

Теперь уже Леонидов торопливо забежал после работы в кузнечный к Матвею Пахомычу, и по дороге к троллейбусной остановке у них хватало времени на обсуждение планов предстоящего время препровождения... Они с улыбкой расставались.

Вспоминая все это, Голощеков неожиданно рассмеялся и не заметил, как левое переднее колесо нацелилось на корягу у обочины, потом увидел, резко вывернул руль, но было поздно. Жестко встряхнуло машину, так что лязгнули зубы у Леонидова, и ружья чуть не ударили в подбородок.

— Л-леший!.. Проткнет, как Себастьяна святого, — зло выдохнул он.

Больше Леонидов ничего не успел сказать. Машина наклонилась на левую сторону, и он, потеряв устойчивость, ткнулся прямо в плечо Голощекова. От неожиданности Голощеков резко послал машину вправо, Леонидова отбросило на дверцу, да так сильно, что она открылась, и, не успей Матвей Пахомыч поймать его за ватник, — валяться бы Василию на обочине в мутной луже.

— Крепче держись! Тоже мне, Севастьян... комсомольский секретарь... — неожиданно для себя подначил его Матвей Пахомыч. — Ружья не ударил?

Леонидов был не столько испуган, сколько ошеломлен натиском бездорожья и, опасаясь новых неожиданностей, сидел хмурый и озабоченный. Слова, однако, задели его.

— Плохо ли, что секретарь? Не всех назначают. А вот же-нюсь и получу квартиру. Для вас же польза, Матвей Пахомыч! — весело закончил он. — Не будете делиться своей...

— Так я тебе и поделил... зятек...

— А куда бы делись? Мы уж с Варварой до точки дошли.

— Чего-чего!? До какой еще точки?

— Недооцениваете, Матвей Пахомыч... — словно обижаясь произнес Леонидов. — Жизнь свое берет.

— А ты не давай, тогда и брать нечего! Ну и чего надумали?

— Известно чего. К осени жениться надо.

— Можно и весной. Если так приспичило.

— Чуток рановато, Матвей Пахомыч. Надо, что б наверняка хату дали и... на трех. Я все продумал.

Голощеков насупился и замолчал.

— Да и у Варвары еще пока незаметно. Могут не поверить. Очередников-то, знаете, сколько в цехе?

— А ты один такой, — язвительно произнес Голощеков, — особенный...

Пожалуй, только сейчас Матвей Пахомыч понял, что недолюбливает он своего будущего зятя. «Все как-то незаметно, но нахраписто делает,— с досадой думал о нем Матвей Пахомыч.— А не придерешься. Все они, что ли, такие? И на кой черт взял его на охоту, какой он охотник!»

Наконец, они выехали на ровный участок, и колея теперь повела вниз к весело блестящей под солнцем речке, набухшей мутно-снеговой с верховьев водой, распиравшей ее берега и почуявшей свою прыть и силу. Сникший было на минутку Леонидов вдруг оживился, пригнулся к стеклу и пристально смотрел по правую сторону поверх увала.

— Подождите, подождите...— прошептал он таинственно.

Матвей Пахомыч скосил на него взгляд и, заинтересовавшись его настороженной позой, остановил машину.

— Чего там? — спросил он и, открыв дверцу, приподнялся на подножке.

От долгого утомительного сидения за рулем больно кольнуло в пояснице, Голощеков поморщился и опустил ся опять на сиденье, так ничего и не заметив.

— Ну! — хлопнул он Леонидова по руке и пригнулся над стеклом рядом с ним.

— На верхушке, видите...

Голощеков присмотрелся и разглядел на рыже-зеленой от солнца елке дикого голубя, вяхиря. Птица не стояла той остановки, да и не нужна она была им сейчас в дороге, но Леонидов так смотрел на нее, что Матвей Пахомыч ничего не сказал и, откинувшись, с удовольствием закурил.

— Что, если стрельнуть? — шепотом, которым договариваются на пару о нехорошем, сказал Леонидов.

— Ведь попасть можно?...— недоверчиво, глухо продолжал он.— Вдруг попаду... А?

— Да, господи... что же не попасть. Конечно, попадешь... Она сейчас, как в тире,— благодушно ответил Матвей Пахомыч, прикрыв глаза и вроде занятый своей какой мыслью.

— Только... зачем?

— Как зачем? — удивился Василий.— Попасть можно. Вся на виду,— с такой наивной уверенностью сказал он, что Голощеков вновь посмотрел на вяхиря и согласился.

— Валяй, валяй... Да дурака не сваяй.

И неизвестно было, к чему относил он слова, но Леонидову показались они в определенном, одном смысле, и он, не сомневаясь в своем предложении, торопливо проговорил.

— Ничего, ничего... Как-нибудь.

Он суетливо расстегнул чехол, нетерпеливо вынул ствол и приклад, поглядывая быстрым взглядом то на голубя, то на свои руки, которыми он никак не мог совладать с ружьем. Наконец, стволы щелкнули в замке, он приладил цевье и дро-

жащими от нетерпения пальцами вогнал в оба ствола патроны.

...А вяхирь сидел на вершине, не подозревая ни о чем. Пожалуй, поза его была несколько самоуверенной и видной даже для вполне спокойных мест, тем более рядом проходила дорога, и спокойствие его могло обернуться слишком дорого. Крепко вцепившись лапами о ветку, голубь настороженно зыркал глупыми птичьими глазами совсем в противоположную сторону, порой нежно шевеля крыльями под теплеющим от минуты к минуте солнцем и слишком опрометчиво и долго прикрывая голыми веками глаза. Он не замечал, как Леонидов приладил к плечу приклад, твердо выдерживая навесу стволы, не услышал как щелкнули по бойкам курки, потом круто повернул голову на свист дробы, но было поздно...

Сквозь легкий, терпкий дымок из стволов Леонидов увидел, как голубь подпрыгнул над вершиной, взмахнул неуклюже крыльями и рухнул вниз, скользя по ветвям.

Леонидов устойчиво выдержал паузу и лениво наклонился в кабину.

— Щелкнул, Матвей Пахомыч,— как бы между делом, о пустяке, заметил он и переломил стволы.

Голощеков понимал, как легко было убить эту птицу, и сам бы не сделал этого. Но несмышленный охотничий взгляд Леонидова на дичь был тоже понятен ему, старому, опытному охотнику, и теперь, облокотясь на руль, Голощеков думал, как непросто найти на мокрой, вздутой дождями земле неприглядную тушку голубя. Вместе с тем примешивалось горьким запашком злое, мстительное чувство против Леонидова, проявившееся вдруг после спешных приготовлений Васьки к выстрелу и приходилось сдерживаться, потому что видимых причин для этого не было, а так похоже было на легкое недомогание перед начинающейся болезнью.

В воздухе все еще ощущался легкий налет гари.

Леонидов, подгоняемый всесильным азартом, бросился напролом в кусты, стряхнувших на него множество капель, но не замеченных им, и, скользя по сырой, липкой земле ворошил под высоченной елью прошлогодними листьями и трухой...

Матвея Пахомыча Голощекова вовсе не интересовал Васькин поиск. Казалось, он забыл про него и про дорогу, которая еще не кончилась и сидел мрачный, отяжелевший вдруг от навалившегося грузом оставленного позади пути со всеми его рывтинами и ямами, заполненными талой водой.

Дорога, естественно, притомила его, как, впрочем, отяготила бы любого, имеющего на исходе шестой десяток годов за плечами. Пострелял за свою жизнь Голощеков немало, но теперь удачный, точный выстрел не веселил его, как прежде,

когда ноги сами устремлялись к упавшей дичи и не знали разбора в дороге...

Теперь же все чаще и чаще охота утомляла Матвея Пахомыча. И не столько физическим образом, но где-то внутри появлялся душевный испуг перед убитой живностью, и пора бы ему совсем завязать с некогда прежней страстью, но уходила она не сразу и не вдруг исчезла. Притуплялось, пожалуй, желание постоянно высматривать, выглядывать чужую жизнь, искать ту малюсенькую щелочку, сквозь которую видна незащищенность зверя. И в тот момент, когда он не ждет опасности и полностью уверовал в свою неприкосновенность, воспользуется человек данным ему правом бить исподтишка, бить наверняка, бить с тем расчетом, чтобы живое стало мертвым.

Но откуда и кем дано это право, Матвей Пахомыч Голощеков не знал и не ведал, возможно, по причине всего лишь недавних и недолгих еще раздумий над этим, но большая мысль крепко засела в голову и время от времени давала о себе знать. Особенно же поразился он тем, что чаще всего бьет человек в ту минуту, когда зверь ли, птица или еще кто вполне удовлетворился жизнью, свыклись с нею и были заняты настолько собой, что и не помышляли об опасности в привычном будничными тяготами мире.

А этих тягот каждому досталось, и время, отпущенное природой на их преодоление, и было для них жизнью и не оставалось никакого на сохранение собственной шкуры от злого умысла.

Путано мыслил Матвей Пахомыч, довольно путано, и знал он еще, что странные его рассуждения об охоте почти не затрагивают ее предмета, а если имеют какое-то отношение к ней, то только так, с одного бока... Открывался вдруг целый пласт неизвестных ранее мыслей, далеких в юности, а теперь приближающихся столь отчетливо...

Не мог рассердиться Голощеков на Ваську только за то, что воспользовался тот удачным моментом для верного выстрела. Птица на то она и птица, чтобы служить мишенью, а человек — существо разумное и не должен упускать удачи. Охота оставалась охотой, а думал, скорее всего, Матвей Пахомыч не о ней.

В глазах рябило от солнечных бликов на раздавшейся речке, но не замечал Голощеков ни ее движения, ни суетливо кружившего над сверкающей гладью воронья. На том берегу коротенькой шерсткой вставала бледно-молочная зелень вперемежку с коричневым подпалом голой земли, и, вообще, тот берег был равниннее и округло поднимался во всю ширь до самого горизонта.

Легким паром исходила земля, как простуженная животи-на, неровно дышала теплыми ноздрами подсыхающих полей,

жаркими змейками кипел над ними воздух, и от того земля представлялась живой и доступной.

Хрустнула сухая ветка на склоне увала.

Голощеков отвел отвлеченный взгляд от далека, заметал глазами в поисках Леонидова и, наконец, увидел его.

Полное лицо Васьки было забрызгано то ли каплями с кустов, то ли прошиб его крупный пот от жадного усердия, но сияло оно нежной, почти детской улыбкой и лоснилось под солнцем.

Мокрые, переплетенные ветви ольшанника полностью скрывали его туловище, Васькина голова выставлялась над ними, как подвижная кукольная маска над ширмой, в вытянутых руках он сжимал добычу и лез напролом, продираясь неспешно и скаля в довольстве белыми зубами.

Счастливым человеком чувствовал себя Василий Леонидов в это майское утро в сотне километров от большого города, на склоне зеленеющего увала, с легкой добычей в руках.

Голощеков встретил его молча, взял протянутую птицу за тоненькую шейку, забрызганную алыми пятнышками крови, перебросил на другую ладонь и, словно взвешивая, покачал на весу.

Головка у вяхиря была повернута набок, мертвый глаз, полуприкрытый серым веком недвижно уставился в пустоту весеннего неба и, казалось, продолжал хранить то ленивое любованье солнечным ярким утром, с которым сидел он на вершине дерева до рокового выстрела.

— А-а-а... хорош, Пахомыч! А? Ну, прямо красавец! Что скажешь? — ждал Леонидов отрадного слова.

Голощеков смолчал.

— А пятка́ на жареху хватит? Ах, какая бы получилась у нас жареха! — воскликнул опять Леонидов.

Матвей Пахомыч почувствовал, что еще немного и Леонидов от дурного восторга потреплет его по плечу.

Взглянуть на Ваську было противно.

Долгим, рассредоточенным взглядом смотрел Матвей Пахомыч на невзрачную птицу, не ощущая уже ее веса и туманно теперь замечая голубя, как бы случайно попавший предмет в поле его зрения, но остававшийся вне внимания.

Затянувшаяся вдруг пауза наполнилась каким-то неожиданным, непонятным пока предчувствием и стала раздражать Матвея Пахомыча, словно смотрел на себя со стороны, винил себя и не понимал, а оттого и злился, что же можно разглядеть в этом сероватом комке из перьев, лежащем на его собственной ладони...

От легкого дрожания пальцев веко вяхиря пало на глаз, прикрывая его, и Голощеков подивился этому.

— Слушай-ка, ты... Слушай...— но он так и не смог сказать, что же должен был услышать Васька, да и что, собственно, он мог сказать ему.

— Ладно... нечего стоять...

Птица шлепнулась под ноги. Матвей Пахомыч как-то хмуро повернулся спиной к Леонидову и направился к машине.

«И чего они нашли в нем? — раздраженно думал Матвей Пахомыч о Варе, о жене и будущем зяте.— Вот дуры-то неистребимые!» — распалялся он все больше и больше.

Во рту скопилась слюна, и он со всей злостью постарался плюнуть так далеко, на что только был способен. Куда улетел плевок, он так и не заметил. И даже почти успокоился от этого. Однако, невольно посмотрев себе под ноги, он увидел, что слюна повисла на телогрейке.

Матвей Пахомыч грязно выругался и полез в кабину.

Леонидов смотрел ему вслед, потом обиженно взглянул на вяхиря и, разбрызгивая сапогами грязь, двинулся за Голощековым.

...Ехали на охоту.

1964 г.

АЛЕШКИНА ЛОДКА

Конечно, счастье близко.

А чтобы ухватить его,— надо быть везучим.

Шестиклассник Алеша Каштанов такой способностью не обладал. И счастье его обходило, как принято говорить в таких случаях.

— Неправда,— внушал ему Владик, когда они шли вдвоем по незнакомой лыжне через лес по направлению к берегу.— Счастье всегда с нами, если мы сами хотим его. Тогда и везет во всем.

Да-а... он говорить мастак. У него отец в научном журнале работает, и Владик умеет сказать. Он сам редактор школьной газеты и много читает всякого.

Алешка Каштанов, конечно, ему не верит.

Третий участник похода, Валерка Пряхин, молчал. Он в такие дебри не лезет, разговоры на общие темы его абсолютно не волнуют. Ни в школе, ни дома. Он всегда хотел шоферить на больших машинах, как и его отец.

Красный, желтый, зеленый — и все! Баста! Никаких рассуждений в пути. Закон жизни.

Лес неожиданно кончился, запорошенная снегом лыжня повела по полю. Хорошо кругом — чисто и широко. Неужели есть места еще лучше? — думал Лешка.

Река, пожалуй, совсем недалеко, недаром повеяло каким-то особым стылым ветром... Словно с открытой воды. А такого не может быть, река подо льдом.

Алешка первым почуял ветер и сразу заторопился.

— Давай, мужики,— закричал он.— В темпе, в темпе!

Рванули.

Впереди — рыжие сосенки на белом снегу.

Добежали до них. Батюшки, да это из оврага только верхушки сосен торчат! Вот это да! Ну и овраг!

Громадина!

Высо-о-ти-и-и-ща-а...

Проторенная кем-то лыжня у самого оврага заворачивает, словно испугавшись, и уходит назад в сторону леса.

Правильно, обходить овраг — долго и снега много. А через овраг? Через овраг — какой же дурак будет ломать ноги. Валерка Пряхин так и сказал.

— А может быть, поплывем к речке? — весело и задиристо предложил Алеша.

— Это ты хорошо сказал... поплывем. Домой, наверно, пора плыть. Пока пожуюшь, там и в школу. У меня мать котлет обещала с жареной картошкой.

— Успеешь к своим котлетам, — небрежно махнул рукой Лешка. — Мы же хотели по берегу вернуться. Заодно и посмотрим, чего там новенького. Слышите, как ветер пахнет? А, Владик?

— Каждый день ждать новенького не разумно. Снег там один, вот и все. Зима все-таки. Но в принципе я не возражаю.

— Да вы что?! Это — туда? В самую яму? — возмутился Валерка Пряхин. — Мне жить не надоело! Только лыжи сломаем, а мне отец больше не купит. И так вторая пара за зиму. И чего мы там не видели, на берегу?

— Ваше дело! — сказал, как отрубил, Алешка. — А я пойду. Между прочим, договаривались вместе, никто за язык не тянул!

Лешка упрям и спорить с ним бесполезно.

— Ну хорошо, пойдем, пойдем, — торопливо согласился Валерка. — Только в обход. Поняли? В этой яме нам делать нечего. Верно, Владик?

Владик неопределенно хмыкнул. Алешкино упрямство, действительно, раздражало.

Алешка Каштанов стоял отрешенный какой-то. Оперся грудью на лыжные палки и уставился на берег. Мартовское солнце высвечивало каждую сосенку, каждую хвоинку. Зеленоватые тени лежали под деревьями, сквозь ветви синело небо. Удивительная картина могла получиться.

Овраг... сосны... речной берег... Алешка пытался придумать дальше и не смог. Не складывалась картина, все было понятно по частям, не было цельного.

Душа болела.

Лес, река, овраг... Овраг на высоком берегу. Алешка нагрянул. Овраг, кажется, напоминал лодку, большую, заснеженную лодку, выброшенную волнами на берег. Но чего-то явно не хватало. Стоило, кажется, руку протянуть... и все встанет на свои места. И полный кайф, как говорит Владик. Или

же все дело в человеке? В данном случае в нем самом, Алешке Каштанове?

Он вздохнул. Да, пожалуй. Владька тысячу раз прав, все дело в тебе самом, и счастье с тобой, если ты сам этого хочешь.

— Ты чего, Леш? — спросил Владик.

— Овраг на лодку похож. Смотри, вон корма, а здесь — нос...

Прятели посмотрели на овраг и ничего не сказали.

...Пряхин Валерка топтал лыжню размеренно и упорно. Пар валил от его круглого малинового лица. Владик шел вторым, ему было немного легче. И все же, думал он, третьему еще проще. Алешка Каштанов выгадал. Оборот! Пустить бы его первым по снежной целине!

— Пряхин! — крикнул Владик. — Не устал? Давай сменю!

— Не-е... — обернулся Валерка.

И удивленно прищурился. И ошалело смотрел мимо Владика.

Владька круто развернулся на лыжах. И оторопел.

Позади них никого не было.

Овраг вдруг неожиданно превратился на его глазах в лодку! В большую крутобокую лодку, о которой говорил Алешка. И был поднят рыжий парус на сосновой мачте!

...Большая лодка зимовала на пустынном берегу, солнечный свет полукружьем заливал ее днище, ветер поземкой срывал с кромок бортов снежную пыль.

Лодка ждала своего хозяина.

Сильно отталкиваясь палками, Владька подкатил к самому краю оврага. Все было ему известно. Он знал — кто в овраге.

На его дне барахтался Лешка Каштанов.

— Веслом так бы и шибанул! — в сердцах сказал Владька и было непонятно Валерке Пряхину, почему вышел из себя обычно невозмутимый Владька.

— Каким веслом? — спросил он его.

— Таким! — все больше распаляясь, выкрикнул Владька. — Большим и тяжелым!

Пряхин тоже подошел к краю оврага, с опаской заглянул вниз.

— Жди его теперь. Знаешь, что, Владик? А давай рванем домой? Пусть попрыгает. Вперед будет наука.

Зеленые глаза у Владьки. Рысьи. У него одного такие в школе. Но этих Владькиных глаз Валерка никогда не видел. Даже стало не по себе.

— Уходи! — коротко сказал Владька. — Отчаливай! Понял!

И отвернулся. На глаза неожиданно навернулись слезы.

Владька крепился изо всех сил, чтобы Валерка их не заметил. И он сам.

— Эй! На лодке! — бодрясь, заорал он в снежную пропасть. — Полундра!

И бросился на лыжах вниз.

...Алешка Каштанов лежал, блаженно раскинув руки в снегу. Слегка покачивало лодку. Медленно проплывали берега в белых ромашках.

— На берегу! Слушай меня! — закричал Алеша, томясь победой и счастьем. И одиночеством.

Не одну ночь потом снилась Владику большая лодка, за весла которой первым взялся Алешка Каштанов. Второму было не так интересно.

Алешкиной стала лодка.

А каково тем, кто остался на берегу?

На реке в ту пору взломало лед.

Открывалась большая вода.

1962 г.

СИСТЕМА ОРИЕНТАЦИИ

Весна — не за горами. Притаивало. Кое-где даже вода выступила над снегом.

— Куда? — встретил за воротами дома дядя Коля своего племянника Славку Вострикова в солнечный воскресный полдень.

На плече у Славки лежали лыжи, и дяде Коле показалось это странным.

— Зиму провожать, — отозвался Славка, скользя взглядом вдоль улицы. Своих дружков выглядывал.

Легко парило над крышами, легко небо синело. Легко было и на душе у Славки.

— А подмочь если?

Дядя Коля скалывал лед перед воротами и было ему скучно без напарника. Заговорил он со Славкой без надежды на помощь, а так, перекуривая. Попробуй заставь работать его в такой день, самому не хотелось.

— Стает, — спасовал Славка. — Куда ж денется...

— Ну да, а если вода во двор пойдет, гараж затопит?..

— Желобки для воды есть, — нашелся Славка. — Прошлый год чего делали?

— Не хватает их желобков-то. Смотри, как солнце печет. Канава нужна, — схитрил дядя Коля.

— Во... летом и выроем. Мерзло сейчас.

— Не время, — соглашается дядя Коля. — На лыжах, поди, тоже не время? — ехидно спрашивает он.

— На лыжах, дядя Коля, терпимо. Все относительно в мире.

— Ого! — изумляется дядя Коля мудреной фразе. — Верно, Славка, верно. Все требует своего отношения. Уме-е-ен...

Похвала Славке приятна. Вида только не надо подавать. Левка, дружок его школьный, как говорит? Ориентация на сдержанность. Вот!

— Ждут меня, дядя Коля. Пойду.

— Далеко ль? — уже на расстоянии спрашивает дядя Коля.

— Близко, — оглядывается Славка. — На кладбище.

Далеко ходить и, верно, не надо. Кладбище — рядом. Вернее, их два.

Старое — с церковью, в липах и тополях. Летом в нем собачки выгуливают, влюбленные по вечерам прячутся. На нем давно не хоронят. Собираются парк сделать.

Новое кладбище на крутом бугре — солдатское. Оно — с войны. Здесь хоронили умерших в госпитале.

Аллейки на нем — прямые, широкие. И над каждой могилой — звездочка. Снегу наметает зимой — под самые звезды. Одни они и торчат над снегом, как флажки на лыжной дистанции.

Соединяет оба кладбища — церковь, она как раз посередке.

Друзья ждали Славку на старом месте, у церковного сарая. Ждали Левка и Павлик.

— Что делать будем? — спросил Славка.

— На двадцатой аллее трамплин кто-то сделал. Можно прыгать.

Аллея на солдатском кладбище двадцать, все под номерами. Двадцатая и соседняя девятнадцатая — самые любимые, потому что самые длинные и крутые. Они спускаются почти до половины бугра и дальше упираются в кладбищенский забор.

Забор преградил дорогу могилам, но не пацанам. Кладбищенский сторож зовет мальчишек углами.

Углы давно понаделали дыр в заборе, через них можно свободно проехать, не прогибаясь. А дальше — щека бугра, укатанная до блеска, до самой речки. Сразу же за дырой делают трамплин. Самый клёвый всегда получается на двадцатой...

Снег возле звездочек подтаял. Получились воронки.

— А здорово снег сходит, — сказал Левка. — Звездочки выше стали.

— Точно, — согласился с дружкой, как всегда, Павлик. — Кто первым?

Далеко внизу за забором копошился народ, прогуливался вдоль речки на лыжах. На кладбище было пустынно.

— Да хоть ты, — нашелся Славка, прикатывая лыжи. — Липнет...

Павлик мотнул головой и, не раздумывая, сиганул вниз.

Он вообще никогда не раздумывал лишку. В школе он тоже бойко выходил к доске, даже если не знал урока, и молча стоял, пока учительница не отпускала его на место. В драках он

первый бросался на противников и чаще других выходил победителем.

На какое-то мгновение забор перекрыл Павлика темной лентой, и вот уже Павлик показался над ним, как теннисный мячик над сеткой... и вновь пропал.

— Теперь твоя очередь,— торопливо сказал Левка, но, не дожидаясь Славкиного ответа, сам ринулся вниз. Левка всегда так, предложит чего-нибудь и сразу забудет или пожалеет отдать.

Славка остался один.

Какое-то время он следил, как мчался по лыжне Левка, приближаясь к дыре в заборе. Потом вдруг наскучило, как затмение нашло, и Славка стал смотреть в сторону с таким видом, будто задумался.

Солнце уже сильно грело щеки, похрустывал осыпающийся ледок в воронках, желтым золотом горели сквозь черные ветви купола церкви... Краснели над снегом звездочки.

«Сколько их?» — внезапно подумал Славка, поражаясь множеству краснозвездных могил, усеявших целый холм над речкой. И удивился, как это раньше не замечал он такого. И никого из людей вокруг. Странно, никто не приходит...

Вспомнил Славка, как прошлым летом они ездили с дядей Колей под Смоленск к родственникам и как увидели случайно в лесу на просеке деревянный обелиск. Издалека он был похож на одинокий стебелек иван-чая.

Вблизи на жестяной табличке того обелиска они прочитали с дядей Колей: «Гавриле Петровичу Новикову, героически погибшему при обороне Смоленска. 1930—1941».

Выходило, Гаврила Петрович Новиков был одногодкой Славке... Вячеславу Ивановичу Вострикову.

Как же так? В таком возрасте и в армию-то не берут,— думал Славка.

— Э-э-э! — донеслось до Славки от речки. Он прислушался и совсем пришел в себя.

Прыгать с трамплина было привычно.

Когда Славка вернулся с кладбища, матери и отца еще дома не было — загостились у сводного брата.

Дядя Коля пил чай, изрядно добавляя в него кубинского рому. Потел и хмелел чуточку.

Славкин вопрос не сразу дошел до него.

— Какой памятник? — переспросил он.

— Ты чего, не помнишь? К твоей сестре ездили летом, в Смоленск...

— Не в Смоленск, а под Смоленск. В Ярцево... — дядя Коля был слесарь-лекальщик и во всем любил точность.

— Ну да, в Ярцево. А там в лесу видели памятник красный...

— Так...

— Гавриле Петровичу Новикову, погибшему за оборону... Дядя Коля отхлебнул чаю, виновато посмотрел в сторону.

— Да разве упомнишь... У тебя ум молодой, не иззябший. Их, памятников-то, знаешь сколько?

Славка отошел к плите, налил себе в кружку кипятку, добавил из чайника заварки и сел к столу. Ни о чем не думалось как-то...

— А вот у нас, Славка, в гаубичной батарее в самом конце войны... под Гроссенхайне...— продолжал дядя Коля.— Ты, поди, такого города и не слышал...

...Перед глазами у Славки стоял обелиск, издали похожий на лесной цветок.

1962 г.

СИСТЕМА

Не удавалось, не выходило, не везло.

А еще короче — не прыгалось. Женьке не прыгалось.

Трамплинчик-то так себе. Фитюлька на склоне горюшки. Горки. Горы, пожалуй. Сверху — высоко. Даже очень.

Тут еще братец под ногами вертится. Совсем маленький, в школу не ходит.

— Дай прыгну... Же-е-е-нька-а...

— Пошел отсюда! Шею сломаешь и ноги выдернешь!

Братец сердится и уходит. Ему шесть лет, он на четыре года младше Женьки.

С горы Женька катит хорошо — лихо, картинно. Упруго присев и присвистывая. А перед трамплином — робеет. И — в сторону.

Петька Глушков, его друг, — тот не боится. Выскакивает из елок, мчит по открытому склону — курточка пузырем, глаза с чайное блюдце, на какое-то мгновение его бросает в воздух, он отчаянно взвизгивает и приземляется метрах в восьми от трамплина. Ничего нипочем!

«Система...» — после третьей неудачи бормочет Женька. До слез обидно.

— Ты псих, что ли!? Лыжню портишь! — кричит ему Петька, приглаживая и поправляя после него дорожку.

— Заносит, — оправдывается Женька.

— Ну да, заносит... Скажи уж, слабо...

— Как это, слабо? Я говорю — заносит, — упрямо повторяет Женька. — Понял?

Петька замечает угрозу в голосе друга и машет рукой.

— Ладно, согласен. Заносит немного. Сейчас исправлю, не занесет. Давай, прыгай...

Стоит Женька, смотрит и думает. Думает, что в четвертый раз тоже ничего не выйдет. Если не выходит, значит, не выйдет... Система — это уж точно.

— Не хочу. Приспичило, что ли?

Он не смотрит на Петьку. Знает — не верит Петька. В душе — смеется. Смеется от души. С подковыркой. И превосходством.

— Завтра прыгну, — зло говорит Женька.

— Завтра, Женька, весь поселок прыгать будет. И братец твой.

Брата Женьки так и зовут — братец. Его ребята любят. Он — отчаянный.

— Посмотрим, — говорит Женька.

Но обиду скрывает. А кто виноват?

Завтра — суббота. Прыгать — будут. Это верно. Зло берет.

«Посмотрим, — про себя говорит Женька, — посмотрим».

— Ладно, я домой. Мне немецкий надо...

И не ждет Петьку.

Поселок — рядом. Называется — Южный. Почему — южный, когда Урал? Уж лучше назвали бы — Северный. Вон, сколько снега вокруг...

С боку прильнула черная собачонка. Пошла ты!

С Петькой они учатся в четвертых, параллельных классах, на разных этажах. На разных — новшество директора, чтоб не смыкались. А раз так, значит, больше дисциплины будет.

Получилось наоборот. Беготни больше, только и всего.

Но сегодня Женька не пошел к другу. Поднялся на самый верхний этаж к десятиклассникам. Там и отсидел большую перемену.

Последний урок — немецкий. И неожиданно потянуло из школы. Совсем внезапно, вдруг, как монетку находят.

Немке он так и объяснил.

— Газ дома не выключил. Только сейчас вспомнил. Пожар может, Марина Захаровна, у нас дом деревянный.

Не верит Марина Захаровна. День что ли, такой невезучий?

— Надо. Вот как надо! — настаивает на своем Женька. — Я домашнее задание выучил.

— Стыдно, Морозов, обманывать перед последним уроком.

— Я не обманываю, честное слово. Я вправду выучил. ихь — бин, ду — бист...

— Ну, хорошо. Если есть дела поважнее немецкого, — устало говорит Марина Захаровна. — Думай сам, Морозов.

Потом.

Солнце уже низко, в вершинах елей. Ветер пошумливает. Гора искатана — вдоль и поперек. Виден поселок за перелеском. А еще дальше — трубы заводские, там город, небо серое.

Пусто, одиноко. Не уютно.

Трамплинчик, как на ладони.

Женька долго прилаживается, раскатывает лыжи, приседает. «Слабо тебе, Женька. Опять занесет. Поостерегись лучше», — шепчет кто-то внутри злой и беспощадный.

— Слабо? — говорит вслух Женька. — Заносит... Я тебе занесу.

И падает вниз.

...Трамплин вырастает внезапно, как кулак у носа. Женька не успевает испугаться, его подбрасывает, тело теряет устойчивость...

Закрутило Женьку, завертело в снежной буре! И пока пришло время соображать что-либо, он был уже внизу, откуда трамплин не сразу и заметишь. Так, фитюлька какая-то.

Женька поднялся, неторопливо отряхнулся.

Лыжи и ноги — целы. Он потер зашибленное бедро и, похрамывая, полез наверх.

Черная собачонка юлила рядом. Она — бездомная. И ко всем льнет, ласки просит.

«Пойдем, Чарка, пойдем. Мы им докажем. Посмотрим, как это — слабо».

Он подправил трамплин. Постоял на нем, как на капитанском мостике.

На душе было легко, спокойно.

Прыгнул с трамплина еще раз. Нормально.

И еще бы прыгнул... По-зимнему быстро стемнело.

Братец завтра попробует. Чего не прыгнуть, конечно, прыгнет.

Тоже, мне, система.